

Константин Фряг

ЧЕРНЫЕ СТЕНЫ

18+

Константин Фряг

Чёрные Стены

<https://litres.ru/74517352>

SelfPub; 2026

Аннотация

Столица Империи хранит множество тайн. И главная из них - прошлое эксцентричного, загадочного Адэра Пелинора, возможно, самого богатого человека Таролокии. Проследите весь путь, от улично оборванца, до одного из могущественнейших людей в Империи.

Примечание.

Формально это продолжение романа Золотые Цепи, но хронологически, основной сюжет разворачивается раньше, так что сами решайте в каком порядке читать.

Содержание

Интерлюдия I	4
Глава 1 Варвар и ведьма	10
Глава 2 Флот воронов	24
Интерлюдия II	38
Глава 3 Погребальный костёр	45
Глава 4 Элия	66
Глава 5 Церкви и разбойники	81
Глава 6 Ринкон	105
Глава 7 Ночная прогулка	118
Глава 8 Портовые Крысы	137
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Константин Фряг

Чёрные Стены

Интерлюдия I

Солнце уже приближалось к зениту, когда вилла только начала оживать. Что, впрочем, неудивительно, как это и бывает после спонтанной, а поэтому куда более безудержной и разгульной пирушки. Вчера вместе гуляли все: знатные гости, слуги, рабыни, один удивительно стойкий к вину лекарь, парочка отставных легионеров и, даже, несколько девиц из тех, что принято называть словом *lupa*.

Однако, никто не сказал бы, что для празднества не было повода. Помимо избавления столицы империи Таролокии от нескольких довольно неприятных личностей, о чём в самом городе знали пока лишь немногие, почти все горожане отмечали финал турнира гладиаторов, победителем из которого вышел таинственный боец, выступавший под именем Эдуардо и получивший прозвище Чёрный Принц. Впрочем, уже не для столь многих являлось секретом, что под его личиной скрывался хозяин виллы – сенатор Адэр Пелинор.

Как обычно и бывает после ночи сопровождавшейся обильными возлияниями, просыпались все с заметной разницей во времени, когда простовато выглядящий дворянин

Жак Морван только с трудом открывал глаза, пара его старых приятелей, вечно мрачный Клод и всегда весёлый Луг, уже снова немного захмелели, пытаясь поправить своё самочувствие вином.

На кухне же шёл горячий спор о том, что стоит подавать к обеду. Повар Хуан, больше похожий на актёра играющего героя античной трагедии, страстно настаивал на блюде с обилием острого мяса и чеснока, всегда добродушный лекарь Ломбарди доказывал, что сейчас всем необходимо что-то лёгкое и простое, желательно жидкое, а дворянин с ухоженными усами, лихо смотрящими в стороны, уверенно заявил, что в таких случаях принято есть паприкаш – густой острый куриный суп с его родины.

Невольным свидетелем всей этой перепалки стала ещё одна из обитательниц виллы – юная рабыня Асми. Впрочем, жила она здесь совсем недолго, около недели, с тех пор как Пелинор купил её на ежегодных больших невольничьих торгах. Набрав целое блюдо различных закусок, она направилась в спальню к своему господину.

Не прошло и десятка дней с того момента, как жизнь Асми резко изменилась. Да, она всё ещё оставалась рабыней, при том из тех, что принято было называть «для удовольствия». Конечно, она была обучена грамоте, самым основам различных наук и, главное, различным изящным искусствам, а также игре на музыкальных инструментах, однако ни для кого не являлось секретом, основное предназначе-

ние подобных невольниц. Для самой же Асми, хоть поначалу она этого и пугалась, обязанность согреть постель своему господину оказалась не в тягость. Несмотря на то, что за последние несколько дней она добровольно шла на риск быть отравленной смертельным ядом, отъявленные головорезы пытались покуситься на неё как на добычу и, даже, пуля одного из них прошла не более чем в одном футе от её головы, всё же, она нисколько не жалела, что теперь живёт на вилле сенатора. К тому же, ушли кошмары, мучавшие её почти каждую ночь на протяжении десятка лет.

Когда Асми вернулась в спальню, её господин читал лёжа на кровати. Отведав новый напиток, приготовленный Хуаном – перетёртые плоды какао, варёные на воде, с добавлением щепотки коричневого сахара и небольшого количества крепкого напитка, получаемого из тростниковой патоки, Пелинор явно остался доволен. Рабыня не стала уточнять, что идея изготовить отвар принадлежала Хуану и Ломбарди, притом, как она подозревала, в первую очередь они задумали это чтобы получить в своё распоряжение откупоренную бутылку ароматного напитка, для дальнейших опытов в кулинарии и медицине.

Так, за внезапным завтраком, состоявшим из фруктов и сладостей, у сенатора Адэра Пелинора и Асми завязалась лёгкая, непринуждённая беседа. Любой, увидевший их сейчас со стороны, ни за что бы не поверил, что связывают их отношения хозяина и рабыни. Точнее, внешне всё на то и

походило, девушка исполняла все самые нескромные желания своего господина, а также служила для остальных напоминованием о его положении и богатстве, но вот тому, что на самом деле происходило между этими двумя, сложно было бы дать определение. Впрочем, как сенатор, так и его рабыня, мало об этом задумывались, обычно их волновали другие вопросы. Как, например, тот, что сейчас задала Асми своему господину.

– Господин, так кто же Вы?

– Смотря что ты имеешь в виду, когда спрашиваешь. – Пелинор снова улыбнулся. – Я так понимаю, про меня ходит множество баек, какая тебе ближе?

– Ну, пожалуй, начать стоит с того, что Вас считают, восставшим из мёртвых, безумным императором Ланцетием II, вернувшимся с того света, чтобы покарать тех, кто решился перестроить столицу. – Чуть не рассмеявшись проговорила Асми.

– Ну, если так, то что-то я слишком запоздал, учитывая, что уже даже сына Филиппа Строителя нет в живых. Впрочем, этого было бы вполне в духе безумца.

– Ещё говорят, что Вы – сбежавший из заточения узник, разузнавший от неких разбойников о спрятанных несметных богатствах. – Уже чуть серьезнее продолжила рабыня. – Слышала так же, о том, что Адэр Пелинор – это принц из далёкого северного королевства, пребывающий здесь в изгнании. А ещё, – тут Асми понизила голос, окончательно перейдя на се-

рьёзный тон – говорят, что Вы – бывший пират. – Сказав это, рабыня пристально посмотрела на своего господина, вспоминая как Морван однажды назвал Пелинора капитаном, ей казалось, что это самый правдоподобный из вариантов. Хоть девушка, половину жизни проведшая в рабстве, никогда и не видела вживую кораблей, но сейчас ей очень живо рисовалась картина, как Адэр Пелинор, как обычно весь чёрном и золотом, расхаживает по палубе, Жак Морван, будучи первым помощником выслушивает его указания, крепкий Клод стоит у руля, Нэя, почему-то в одной набедренной повязке, злобно всматривается вдаль, размахивая огромной восточной саблей, а зоркий Габор наблюдает за всем из вороньего гнезда, чем должен был заниматься в этот момент Луг, она так и не придумала.

Однако, вопреки ожиданиям, услышав это, сенатор только рассмеялся.

– А ведь знаешь, кроме версии с Ланцетием, можно сказать, что всё это правда. – Заметил Пелинор, но тут же добавил. – Но при этом и полная чушь.

Поднявшись с постели господин отошёл к столику чтобы налить себе воды с лимоном и промочить горло. Перед тем как вернуться, он какое-то время смотрел на свою рабыню тем самым пронзительным взглядом. Судя по всему, рассказ обещал быть долгим. Впрочем, как обычно, начать его Пелинор решил несерьёзно.

– С другой стороны, можно сказать, что даже с Ланцети-

ем у меня есть кое-что общее. – Усмехнулся он. – Как и у безумца, моё имя происходит от копыя. В переводе с одного из древних северных языков, Адэр означает Богатое Копьё. Не знаю почему моя матушка решила меня назвать именно так, не знаю совпадение ли это, но если бы я верил в судьбу, то сказал бы, что это имя действительно её определило.

Асми, слушавшая затаив дыхание, готова была согласиться с "богатым", но при чём здесь "копье", она так и не могла понять. Впрочем, девушка не решалась перебить господина, ожидая, когда же он продолжит.

– Хотя, учитывая какую жизнь она прожила, сложно было ожидать что и тут она не поступит эксцентрично. – На лице Пелинора появилась тёплая улыбка. – Чего стоит хотя бы то, что она спуталась с моим отцом, а ведь, действительно, происходила из королевского рода. Впрочем, знаешь, пожалуй, стоит начать с самого начала...

Глава 1 Варвар и ведьма

Родился я тридцать пять лет назад на острове Корну, названным так из его формы, напоминающей бычий рог. Это довольно крупный кусок скал во Внутреннем Море, где-то в двух-трёх днях плавания от Ньюциттии, самого южного города центральной провинции Таролокии. За всю свою историю, Корну бесщётное раз переходил их одних рук в другие, являясь предметом споров множества государств и их правителей. Но именно тогда, три десятка лет назад, так вышло, что он на некоторое время обрёл независимость, став при этом вольницей и прибежищем для пиратов Внутреннего Моря.

Хотя, в то время и было немало таких вот крошечных пиратских государств, но Корну был одним из немногих, что не признавал над собой власти Турана. Надо сказать, что Султанат покровительствовал большинству морских разбойников во Внутреннем Море, пытаясь одновременно ослабить Империю и при этом как-то защитить свои суда от посягательств, конечно, помогало это далеко не всегда. Именно здесь, в единственном небольшом прибрежном городке, мне и довелось появиться на свет. Впрочем, это я забежал вперёд, лучше всего было бы начать с того, как моих родителей вообще туда занесло.

Отца моего звали Эрик, или же, как принято говорить у

него на родине, Эйрик. Происходил он тех, кого здесь называли бы нордсманнами. Когда-то этот народ наводил ужас на всех жителей Медилоции, если точнее, на всех, кто жил относительно близко к побережью, доходило до того, что некоторые завоёвывали собственные королевства прямо здесь, на берегах Внутреннего моря, а кто-то, на кораблях с драконьими головами, доходил и до южного континента Меридии.

Но эпоха сменилась, и некогда жестокие варвары расселились в глубь северной части материка, смешавшись с прочими народами, вроде каледонцев, фризов, кимбров, долго перечислять. Так, на развалинах провинций Первой Империи возникло бесчисленное множество государств, со временем, объединённых под флагом Священной Империи, которая даже претендовала на то, чтобы называться преемницей Таролокии.

Впрочем, и несколько столетий процветания Священной Империи подошли к концу, когда голову подняло небольшое государство на самом севере Медилоции. Фризланд – равнинная местность, покрытая густыми сосновыми лесами, с запада граничащая с Каледонией. В какой-то момент, одна эта крохотная провинция разбогатела настолько, что не побоялась заявить о независимости от империи Максимилиана, ну и так вышло, что, защищаясь, поспособствовала её уничтожению. Ходят байки, что у самого бедного купца из Фризланда столько золота, что он может целиком только из него построить себе двухэтажный дом, а не делают они так,

только потому, что им это запрещает Реформаторская Церковь. Конечно, думаю, это преувеличение, но вот что правда – так это всё, что рассказывают о фризландском флоте, на котором и держится мощь крохотного государства, способного посоперничать с самой Таролокией. Филипп V, под конец жизни, даже запретил всем придворным любые упоминания о фризландских кораблях.

Священная Империя же распалась на множество мелких княжеств, графств и королевств, со временем образовавших Союз Свободных Городов. Правда название это слишком громкое, поскольку постоянно появляется кто-то, кто пытается отхватить часть земель у соседа. Но в целом, теперь, глядя на чинных бюргеров и умелых степенных ремесленников, уже никто и не вспомнит, что их предками были морские разбойники, одно упоминание которых, приводило в ужас не только детей и женщин, но и самых крепких мужчин.

Но всё это касается только материка, те же, кто жил на островах к северу, как будто, застряли в прошлом. Говорят, что в самых отдалённых уголках, можно даже увидеть настоящие длинные дома. Впрочем, возможно, это очередная байка. И хотя внешне жители островов напоминали тех самых нордсманнов из старинных песен, буйный нрав они проявляли только во время многочисленных пьяных застолий, за которыми они коротали длинные северные ночи. В целом, теперь они стали одними из самых доброжелательных людей, живущих земледелием, скотоводством и рыбным промыслом.

К чему я всё это рассказываю? Да к тому, что все эти несколько столетий, как будто, прошли мимо моего отца. Ро-дившись в семье простого рыбака, на отдалённом северном острове Хугин, он, как будто опоздал с этим, по меньшей мере, лет на пятьсот. Высокий, крепкий, с вечной копной длинных волос, готовый в любой момент пустить в ход свои тяжёлые кулаки, ему не хватало только боевого топора в руке и круглого деревянного щита чтобы завершить образ.

В юном возрасте покинув отчий дом, он отправился во Фризланд, чтобы записаться во флот. Проходив несколько лет простым моряком на торговом судне, он быстро понял, что это не его. И не потому, что эта жизнь показалась ему трудной, наоборот, это было совсем не то, чем он грезил. Поэтому, как только представилась такая возможность, в одном из южных портов, он тут же, даже не получив расчёт, попросился в команду имперского галеона. Чем, надо сказать, сильно удивил вербовщика, в матросы, обычно, и так не сильно рвались, а тут ещё и намечалась очередная война с Умбрией в колониях. Но для моего отца, это было как раз то, чего он так жаждал. Постоянные морские сражения, дым, крики, кровь, скудный рацион, цинга, дрянное пойло из тростниковой патоки, то что пугало остальных, его только манило. Он наслаждался этим, как наслаждались древние северяне, слыша жалобные крики поверженных врагов. Говорят, когда их корабль заходил в порт, половина кабаков закрывалась только потому, что боялись очередного пьяно-

го буйства Эйрика, которого таролокийцы и кардолузийцы прозвали на свой манер Энрико.

За несколько лет войны в Новом Свете, Энрико-Беребер, как полушутя называла его остальная команда, смог неплохо изучить то, как устроены имперские корабли, в особенности галеоны. Однако, со временем ему захотелось большего, в офицеры, понятное дело, прибиться было почти невозможно, так что оставался только один путь.

Их галеон тогда, как раз, возвращался в Старый Свет, при этом трюмы, где обычно размещали солдат, были заполнены товарами, из-за чего привычный мощный гарнизон пришлось подсократить. Когда вдали уже виднелись берега Лаккии, мой отец поднял бунт, намереваясь захватить корабль с грузом, а затем податься в пираты. Однако, ничего не вышло, поддержавших бунтаря в его мятеже было слишком мало, так что вскоре их всех перебили. Однако, и люди капитана понесли немалые потери, притом, в основном, как рассказывал потом сам отец, по большей части, это была именно его заслуга. Но, всё же, даже свирепого варвара смогли победить, навалившись числом. Церемониться с ним не стали, а попросту выкинули за борт. Это была, своего рода, очень изощрённая казнь, земля уже виднелась вдалеке, но вот добраться до неё вплавь не вышло бы и у самого выносливого и умелого пловца, оставалось только поддаться отчаянию и принять смерть, либо предпринять безнадёжную попытку догрести до берега.

В одном только просчитался капитан имперского галеона – Энрико-Бербер, не просто так получил своё прозвище, не в его духе было поддаваться отчаянию. Вообще, вспоминая его, я понимаю, что отец не был подвержен любым подобным чувствам, жил он, скорее, руководствуясь сиюминутными прихотями. Впрочем, неизвестно, удалось бы ему самому справиться с буйными водами Западного Океана или нет, но в этот момент проявилась его, просто-таки, дьявольская удача, его заметил экипаж каравеллы, проходившей этим курсом. Эпоха, когда на подобных маленьких кораблицах покоряли океан давно уже прошла, в те времена их использовали только как конвой для галеонов, либо небогатые торговцы, для перевоза своих дешёвых товаров.

Однако, когда Эйрик увидел своих спасителей, то быстро понял, что перед ним были никакие не честные негодянты и моряки, а самые настоящие пираты, то есть те, кем он и сам намеревался стать. Как выяснилось, разбойники совсем недавно заприметили военный галеон, идущий из Нового Света, но не решались на него напасть, обычно, у каравеллы не было никаких шансов в прямом столкновении с галеоном. Отца провели к капитану корабля, и тогда он впервые увидел её, Мэри-Элизабет Пелинор-Дормут.

Как не сложно догадаться, среди пиратов не часто можно встретить женщин, а тех, кто при этом ещё и являлся бы капитаном корабля, за всю историю можно пересчитать по пальцам одной руки. Но, видимо, именно оттого что их так

мало, отыгрываются они за весь женский род. Имя капитанши Мэри гремело на всю Умбрию.

Происходила, как ясно из имени, Мэри-Элизабет из старинного благородного рода, притом не простого, а восходящего к древним королям. Правда, не надо думать, что в Умбрии это значило столь многое. После того, как распалась Первая Империя, вся область к западу от каледонских гор стала ареной для бесконечных битв и распрей между кимврами, каледонцами, гэллами и множеством других народов, названия которых уже никто и не вспомнит. Тогда любой, у кого был участок земли, обнесённый покосившимся частоколом, и пара собутыльников с копьями, мог объявить себя королём. С той эпохи до сих пор сохранилась шутка, что если как следует размахнуться и бросить камень, то он перелетит, по меньшей мере, через три королевства. Со временем, к борьбе за власть над разрозненными землями Умбрии, присоединились и нордсманны с лакийцами. Род Пелиноров, как раз и восходил к одному из лакийских военачальников, завоевавшего себе небольшой клочок земли, в этой всеобщей неразберихе, и объявившего себя королём.

Вообще, хотя я и говорил, что не стоит придавать особого значения тому, что кто-то в Умбрии происходит от древних монархов, но всё же сам Пелинор, живший в эпоху королей-рыцарей, стал фигурой не просто заметной, но даже, можно сказать, полумифической. Сказания о нём, наравне с легендами о многих других благородных воителях, до сих

пор передаются в народе из уст в уста, зачастую больше напоминая сказки. А умбрийские литераторы и по сей день пишут романы о похождениях рыцарственного короля.

Однако, слава героического предка сыграла дурную шутку с его потомками. Когда материковая Умбрия и многочисленные острова вокруг неё, объединились под властью единой короны, образовав одно из сильнейших существующих ныне государств, род Пелиноров превратился в одних из самых влиятельных и богатых землевладельцев, мало чем напоминавших могучих древних рыцарей. Теперь, всё что занимало мужчин – это постоянные охоты, пиры и рассказы о мужественных благородных предках. Ну а женщинам оставались только вышивание, рыцарские романы и балы. Возможно кто-то только мечтал бы о такой жизни, но только не Мэри-Элизабет. Миниатюрная, с тонкой, светлой кожей, напоминающей тончайший фарфор, длинными вьющимися волосами цвета воронова крыла и большими тёмно-зелёными глазами, она казалась слишком хрупкой, даже для того, чтобы держать в руках иглу, с виду кроткая, ни что не выдавало в ней потомка знаменитого героя.

Однако, за кукольной внешностью скрывалась душа настоящего морского дьявола. Мама мало что рассказывала о своей молодости, но убежав ещё юной девицей из дома, через год она уже прославилась по всему южному побережью Умбрии, как один из самых отчаянных и опасных пиратских капитанов, которых только знавали эти моря. Люди прозвали

её ведьмой Морриган, в честь древней богини войны, чьи-ми вестниками были вороны. Со временем все поверили в ту байку, что сами же и выдумали, Мэри стали считать настоящей ведьмой, знающей с Древними Богами из Нижнего Мира и Морским Дьяволом, способную насылать порчу и проклинать одним только взглядом. Матушка не спешила никого в этом переубеждать, считая, что подобные слухи ей только на руку, и своим флагом она сделала белого ворона на чёрном поле.

Однако, через какое-то время Мэри решила испытать удачу и отправиться на север, чтобы пощипать богатых фризландских купцов. Что было ошибкой, поскольку суда Фризланда охранялись не в пример сильнее чем у Умбрии, которая бросила все возможные силы на войну с Империей. Тут не помогло и имя, наводившее ужас на суеверных умбрийцев, на Мэри, по прозвищу Морриган, была объявлена настоящая охота. Поэтому решено было отправиться далеко на юг, во Внутренне Море. Команда обрадовалась, узнав о решении своей капитанши, ведь не только предоставлялся шанс пограбить имперские галеоны и туранские галеры, но и ещё, возможно, заслужить помилование, став каперами, действующими на благо умбрийской короны.

Во время каботажного плавания вдоль западных берегов Лакии, команда каравеллы и повстречала свой первый имперский галеон. Однако, несмотря на славу отчаянной пиратки, Мэри-Элизабет обладавшая холодным и расчётливым

умом, не решалась вступить в бой, она предпочла наблюдать и выжидать случая. Именно тогда команде и случилось познакомиться буйного матроса Эйрика.

Так и произошла первая встреча моих родителей. Были ли это любовь с первого взгляда? И да, и нет. Мой отец не упускал случая рассказать о том, какой перед ним впервые предстала мама. Хотя она и было одета в мужское платье, но при этом, всё равно, как и подобает представительнице древнего рода, сохраняла изящество. Носила она тогда мягкие кардолоузийские сапожки из чёрной кожи, белые шёлковые чулки, плотно обтягивающие её ноги, рубашку и поверх неё распахнутый чёрный пурпуэн, на боку висела абордажная сабля в чёрных ножнах, а за широкий пояс были заткнуты два пистолета. Самое забавное, что если бы кто-то спросил маму, как она выглядела в тот день, то она бы ничего не смогла ответить, зато отец мог вспомнить малейшую деталь и спустя годы. Для него, привыкшего к совершенно другим женщинам, миниатюрная Мэри, державшаяся строго и холодно, показалась каким-то существом из древних сказаний, Богиней Битвы, которой он готов был отдать свою и множество чужих жизней. Тогда, про себя, он дал зарок, что добьётся этой женщины, чего бы это не стоило.

Матушка же, спустя годы, неохотно признавалась, что тогда отец её изрядно напугал, хоть она и не подала виду. Когда её команда привела косматого верзилу, почти на голову выше и в полтора раза шире самого крепкого из её лю-

дей, со спутавшимися и прилипшими к лицу длинными волосами, в одних только широких штанах, насквозь пропитанных морской водой, он показался ей похожим на какое-то морское чудовище. Но не это произвело на неё устрашающее впечатление, а полубезумное поведение незнакомца, сверкая глазами, на довольно паршивом таролокийском он призывал напасть на имперский галеон, в команде которого совсем недавно состоял. Мэри тогда подумала, что имперский флот избавился от него, по причине помешательства. Она уже давно отвыкла бояться мужчин, поскольку с саблей обращалась не менее ловко, чем самые умелые из них, но особого мастерства она достигла в стрельбе из пистолетов, однако, сейчас подумала, что если этот северянин, на теле которого виднелись следы недавней схватки, начнёт прямо здесь и сейчас буйствовать, то усмирить его будет непросто.

Между тем, Эйрик, пытался объяснить, что если, когда и стоит нападать на галеон, то только сейчас, когда команда имперского судна ослаблена недавним мятежом. В конце концов, просто выхватив саблю у Мэри прямо из ножен, он, размахивая клинком, выбежал на палубу, и уже сам начал отдавать команды на фризландском, обильно добавляя ругательства на родном языке. Команда, поначалу, растерялась, но почему-то начала слушаться Эйрика, благо что фризландская морская терминология к тому времени уже прочно вошла в обиход всех мореходов Медилоции.

И тут Эрик услышал звук взводимого курка за спиной,

Мэри решила, что выходки выловленного из воды безумного незнакомца, перешлю последнюю черту. И тогда, повинувшись необъяснимому порыву, отец сделал то, что навсегда изменило его жизнь. По-рыцарски преклонив колено, он на вытянутых руках поднёс Мэри-Элизабет её же саблю и произнёс: «Моя королева, прошу, дайте мне шанс, и ещё до заката Святой Ливий будет Вашим». Неизвестно где простой матрос смог набраться подобного, однако, как утверждали все, кто его знал, такого куртуазного поведения он не проявлял ни до, ни после этого момента. Так они и стояли, полуголый, коленопреклонённый гигант и миниатюрная женщина в мужском платье, с нацеленным на него пистолетом. Команда, затаив дыхание наблюдала за этой немой сценой, которая длилась меньше минуты, но всем показалось, что прошла вечность. В конце концов, засунув пистолет обратно за пояс, Мэри развернулась и направилась обратно в каюту, бросив на ходу только короткое «Действуй» на таролокийском.

Эйрику этого было более чем достаточно, снова перейдя на фризладский, смешанный с ругательствами из всех известных ему языков, бунный северянин приказал идти на сближение с галеоном. Вообще, при обычных условиях, у экипажа каравеллы шансы победить команду военного галеона при abordage ничтожно малы. Однако Эйрик знал, что сейчас на Святом Ливии, в любом другом случае, при удачном залпе способном разнести их кораблик в щепки, не хватало как солдат, так и канониров.

С другой стороны, стоило бы галеону войти в любой из портов в Лакии, до ближайшего из которых оставалось менее чем полдня пути, как добыча была бы утеряна. Капитан Святого Ливия не решался давать бой, видимо понимая, в каком бедственном положении находится. Оба корабля шли на всех парусах, конечно у лёгкой, маневренной каравеллы было неоспоримое преимущество перед грузным, тяжёлым галеоном, но, всё же, прошло несколько часов, перед тем, как пираты смогли нагнать имперское судно.

Когда пиратский корабль подошёл на дистанцию для абордажа, команда галеона встретила непрошенных гостей огнём из орудий, правда, куда мене плотным, чем можно было бы подумать, отец многое извлёк для себя из многочисленных морских сражений, в которых участвовал, поэтому и сейчас он действовал именно так, как было принято в имперском флоте. Подойдя вплотную, он приказал дать единственный, самый мощный залп из всех, надо сказать малочисленных, орудий и ручного оружия, а затем, в пороховом дыму первым ринулся на палубу противника. Как и ожидалась, и без того измотанный экипаж и немногочисленный гарнизон галеона, не смогли дать достойного отпора, так что вскоре все имперские матросы и офицеры вместе с капитаном ожидали своей судьбы на верхней палубе.

Отец разрывался между тем, чтобы порубить их на месте, либо же, поступить с ними точно так же как они обошлись с ним чуть ранее, то есть попросту выбросить за борт. Од-

нако, матушка, несмотря на свою зловещую славу, всё же не могла пойти на такое, возможно именно в этот момент да-
ло знать о себе её родство с древним героическим рыцарем. Благородно отдав оставшимся в живых свою старую кара-
веллу, правда, предварительно перенеся на галеон все пуш-
ки и оставив только самую малость пресной воды, впрочем,
чтобы добраться до ближайшего порта, имперским матросам
большого и не требовалось. Эйрик, который, не смотря на
то что уже провёл успешный абордаж, всё-таки ещё не был
принят в пиратскую команду, так что не стал возражать про-
тив этого решения.

Вскоре, вместо имперского солнца над галеоном уже раз-
вевался чёрный флаг. Сам же Эйрик, в качестве добычи,
присвоил себе парадную одежду капитана и вскоре стоял у
рулевого колеса в накинутом поверх белой шёлковой рубаш-
ки, чёрном коротком плаще-ропоне, напоминающим крылья
огромной хищной птицы. Этот день положил начало для од-
ной из легенд Внутреннего Моря – грозного пирата Энри-
ко-Ворона.

Глава 2 Флот воронов

Надо сказать, несмотря на то, что обычно у всех на слуху самые громкие случаи морского разбоя, совершённые самыми знаменитыми пиратскими капитанами, всё же, подобное – это большая редкость. В основном, мелкие шайки головорезов ходили на мелких судёнышках, зачастую даже без пушек. Понятное дело, что нападали такие пираты только на таких же торговцев, на скромных кораблях без охраны, а добычей их была рыба, овощи, пенька или, если уж совсем повезёт, то дешёвые ткани. Конечно же, всегда был один тип товара, который был в цене и достать его не так уж и трудно, особенно пирату – это рабы. Однако, тут встаёт вопрос транспортировки, никакой выгоды, в том, чтобы продавать невольников мелкими партиями не было, так что, по сути, и работорговля, опять же, оставалась уделом самых удачливых капитанов, владеющих достаточно крупными кораблями.

Так что в тот день, благодаря случайно попавшемуся в море странному северянину, команда умбрийцев сорвала такой куш, какой девять из десяти пиратов никогда и не видели за всю свою жизнь. Полные трюмы, гружёные сахаром, табаком, какао и, даже, что было невероятной удачей, немного золота, обычно перевозившегося через океан конвоями, на которые, если пираты и отваживались нападать, то только сбиваясь в небольшие флоты. К тому же на захваченном ко-

рабле был неплохой запас вина из тростника, надо сказать, что в то время его ещё не догадались перегонять, этот напиток и сейчас многим не по вкусу, а тогда, забродившую патоку не решались пить даже многие пираты. Впрочем, мой отец, за годы службы в Новом Свете, как раз-таки стал любителем этого мутноватого пойла, что в глазах умбрийцев делало его ещё более чудаковатым. Хотя, в лицо этого ему никто сказать не отважился, все совсем недавно видели на что он способен с саблей в руке.

Поскольку никто из команды Мэри-Элизабет до этого не ходил на столь крупных судах, решено было, что теперь командовать в плавании будет Эйрик. По сути, обязанности капитана поделили между собой два человека, что, кстати, было не такой уж редкостью на пиратских судах. Сам галеон из Святого Ливия переименовали в Королеву Воронов.

После недолгого совещания, курс взяли на Икосию, небольшое государство оскуров, на самом северо-западе Меридии, омываемое Внутренним Морем и Западным Океаном. Когда-то, эти воинственные потомки пустынных кочевников чуть было не завоевали всю Медилоцию, а из Кардолузии их окончательно изгнали уже только терции Легиона Третьей Империи. На тот момент, порты Икосии, находившейся под властью Турана, служили пристанищем для многих пиратов Внутреннего Моря, здесь же можно было и сбыть награбленное. Даже султаном оскуров был пират Аслан-рейс, прозванный имперцами Барбаросса III, скорее

всего ошибке, поскольку, хоть знаменитый адмирал и носил пышную бороду, но была она обычного для туранца чёрного цвета.

Будь я сочинителем романов, то описал бы, как именно тогда они встретились, начинающий дерзкий пират с далёкого мрачного севера и мудрый, хитрый флотоводец с юга, что именно в тот день они почувствовали, что в будущем их ещё не раз сведёт судьба. Однако, всё это было не так, султана вряд ли мог заинтересовать один из множества оборванцев, пусть и прибывший со славной добычей, разве что за ужином, ему могли поведать, как один из курьёзов, что в порт прибыл корабль, одним из капитанов на котором является женщина. Хотя, чего ещё можно было бы ожидать от этих умбрийцев?

Однако, не прошло и года, как всё изменилось, когда суеверные моряки, во всех портах Внутреннего Моря стали произносить имена Энрико-Ворона и ведьмы Мэри только шёпотом и оглядываясь, будто боясь накликать самого Морского Дьявола. Отцу и матери было всё равно кого грабить, туранцев или имперцев, зачастую они действовали столь дерзко, что никто просто не мог поверить, что найдутся люди способные на такое. Вскоре команда Королевы Воронов нашла и место, ставшее тихой гаванью, тот самый остров Корну.

Со временем, под чёрным флагом с вороном стал ходить небольшой флот, созданный по образу имперских конвоев.

Галеон теперь сопровождали три каравеллы, которые умбрийцы полушутя прозвали воронами Морриган. Как обычно и бывает у пиратов, команда постепенно пополнялась всеми народами и языками, однако, значительную часть её составили бывшие невольники с туранских галер. В основном, это были захваченные Киммерийским Ханством рабы, родом из Урманского Царства, в Империи, по привычке, называемого Гибореей. Люди это простые – казаки и крестьяне, крепкие и отчаянные в бою, особенно если доходило до схватки с туранцами, только вот в морском деле не смыслящие ничего. Впрочем, были среди них и особо смекалистые, как, например, Мосий. У себя на родине он был капитаном или, как это называлось у них, атаманом, а на море быстро дослужился до командования одной из каравелл. Его соплеменники говорили, что было у атамана какое-то забавное прозвище на родном языке, но он быстро сменил его на благозвучное таролокийское слово и теперь звался не иначе как Мосий Пунтеруэлло. Они довольно быстро сдружились с отцом, в основном благодаря любви к самым странным напиткам.

У небольшого флота воронов, со временем сложилась и своя тактика, быстрые маневренные каравеллы навязывали бой, выматывая противника, а затем, в атаку шла уже Королева Воронов, с мощной абордажной командой. Несколько раз пираты даже нападали на имперские конвои с золотом.

Как же отцу и матери удавалось так долго пиратствовать

во Внутреннем Море? Энрико и Мэри умело пользовались бесконечным и всё только нарастающим противостоянием Империи и Туранского Султаната, каждая из держав готова была прикрыть глаза на преступления пиратов, лишь бы увидеть значительно разросшийся Флот Воронов на своей стороне. Родители даже принимали веру в Ашуру, и обязались следовать учению пророка его, притом дважды. Они вообще были не особо религиозны. Точнее, у отца были какие-то свои, скорее мистические, верования, в которых переплелись древние боги, силы природы и Морской Дьявол знает, что ещё. Матушка же, родившаяся в реформаторской вере, как она сама говорила, довольно рано в ней разочаровалась, а взгляды её были, скорее, не приемлющими любую церковь.

Из-за постоянной смены вассала, у отца сложились особые отношения и с Аслан-рейсом, за пиршественным столом они встречались не реже, чем их флоты выходили друг против друга в море. Многие годы длилось противостояние бейлербека по прозвищу Барбаросса и Энрико-Ворона, переходящее то в дружеское соперничество, то в открытую вражду. Не раз Королева Воронов встречалась в бою с галиотом туранца Кара Аслан, правда до abordжа так дело и не доходило. Истории о двух пиратских капитанах, воюющих за два противоборствующих государства, обросли уже таким количеством выдумок, что их теперь сложно отличить от правды.

Впрочем, есть одна деталь, о которой упомянет любой,

кто захочет рассказать о противостоянии двух пиратских адмиралов – это их, почти что рыцарское отношение друг к другу, даже в самых суровых сражениях. Что является самой настоящей истиной, жестокие пираты зачастую проявляли невиданное милосердие, возможно, потому что не знали, когда судьба снова сведёт их, но уже как союзников.

Однако, для меня, росшего на тихом острове Корну, все эти события были чем-то, будто, происходящим в другом мире. В хитроумном капитане Мосии, я видел только забавного, чуть неуклюжего приятеля отца, с которым они нередко засиживались до самого утра, от чего всегда получали разнос от, обычно спокойной, матушки. В могущественном бейлербеке Аслан-рейсе, которого несколько раз принимали у себя родители, я видел только добродушного чужестранца с густой бородой, привозившего диковинные подарки и необычные сладости.

Отец рано стал учить меня плавать, я даже не помню когда это было, возможно ещё до того, как я научился ходить. Впрочем, живя на острове, где большинство развлечений у детей связано с морем, сложно не научиться этому.

До того, как на Корну обосновался флот воронов, жители острова гордились тем, что говорят на одном из самых древних языков, настолько, что без труда могли на слух воспринимать творения античных авторов в оригинале. Теперь же здесь можно было услышать любую речь, от умбрийского до урмского, притом обильно сдобренного самой отборной

руганью. Однако дома мои родители старались говорить на таролокийским, приучая и меня.

Иногда, вечерами я ходил смотреть на большой костёр, который разводили пираты на берегу, где они, напиваясь до беспамятства, пели и плясали. Здесь было множество народов и каждый делал всё на свой лад, но больше всего мне запомнились урмане. Сложно поверить, что они происходили из мест, где не было моря, поскольку своим поведением были подобны ему, то они начинали выплясывать дикий, разнузданный танец, пугающий, как будто было в нём что-то звериное, а через мгновение могли уже затянуть протяжную заунывную песню, нагонявшую непонятную тоску.

С годами мама всё чаще стала оставаться на берегу, когда отец уходил в плавание. Когда мне исполнилось семь, она понемногу начала обучать меня письму и чтению на таролокийском, а также другим языкам: умбрийскому, лакийскому, кардолузийскому. Конечно же проведя детство на Корну, я понемногу знал каждый из них, но матушка следила за тем, чтобы отучить меня от самых вульгарных выражений. Всё же, как она напоминала мне в такие моменты, я происходил из благородной семьи.

Вместе с грамотой и счётом, мама рассказывала мне и множество различных историй, как я уже понял потом, большинство из них были просто легендами с её родины, которые она сама слушала в детстве, конечно же, многое было пове- дано и о моём знаменитом предке-рыцаре. До сих пор пом-

ню, как она, рассказывая про древние, густые и таинственные леса Умбрии, надолго замолчала, молча смотря невидящими глазами куда-то вдаль. Забеспокоившись, я осторожно окликнул её, через мгновение она, выйдя из забытья, вдруг тепло улыбнулась и посмотрела на меня глазами полными любви, лишь только ещё один раз я видел такое выражение на её лице.

Иногда она мне читала книги из своей библиотеки, со временем я пристрастился и сам. Правда, как оказалось, даже выучив все буквы, многие из её книг я всё равно не мог понять. Точнее, буквы я разбирал, всё-таки мне было уже девять лет, однако смысл слов от меня упорно ускользал. Только спустя годы я понял, что Мэри-Элизабет Пелинор-Дормут была не только любительницей рыцарских романов, но также читала и труды по философии и богословию, многие из которых не одобряла даже реформаторская церковь, не говоря уже о сторонниках Святого Престола.

Начиная с восьми лет, отец, когда бывал на острове, стал брать меня на охоту в горы. Мы ходили с ним только вдвоём, на пару-тройку дней и он учил меня стрелять. Надо сказать, что Энрико владел дорогим, редким охотничьим мушкетом с нарезным стволом. В битве, особенно на море, от такого оружия не было толку, поскольку заряжать его приходилось долго, с трудом вбивая небольшим молоточком пулю в ствол, а затем проталкивая её. И, несмотря на то, что такой мушкет был более точным, чем боевой, но охотясь с ним, требова-

лось проявить всё мастерство, и убивать зверя с одного выстрела, поскольку для второго времени уже не будет.

Однажды, мне даже удалось подстрелить старого горного козла. Правда, я до сих пор думаю, что оказал ему услугу, поскольку, возможно, если бы я промедлили ещё пару минут, то тот помер бы от старости. Мясо его оказалось настолько жилистым и жёстким, что даже непривередливый отец, с трудом прожевав небольшой кусочек, вежливо сказал, что сыт. И это при том, что мама варила этот кусок мяса на медленном огне почти весь день. Оставшуюся тушу было решено пустить на солонину. А вот из шкуры я попросил маму сделать мне накидку, в которой я ходил целых полдня, воображая себя древним героем, с шкурой убитого им льва на плечах. Правда, вскоре я заметил, что вместо уважения, скорее вызываю насмешки. Дело в том, что козёл был не только старый и жёсткий, но ещё и очень вонючий, и от этого запаха не удавалось избавиться никак. Так что, когда я важно расхаживал по острову, первым делом, его жителям не бросалась в глаза моя величественная фигура, а ударяла в нос резкая вонь, сильно заранее возвещающая о моём приближении. Когда я это понял, то запрятал накидку из шкуры в несколько свёртков, положил в самую дальнюю часть сундука и больше никогда её не доставал.

Иногда отец брал меня в плавание, конечно, не в рейды за добычей, а только лишь на несколько дней, когда ходил до Нюциттии. С годами, Энрико-ворон стал не столь без-

рассуден как был в молодости, теперь, зачастую, он действовал хитро и рассудительно, предпочитая собрать побольше сведений, перед тем как что-либо предпринять. Его излюбленным способом было, притворившись небогатым купцом, расспрашивать моряков в кабаках, при этом не скупясь угощать их выпивкой.

Как уже говорил, до древнего таролокийского города от острова Корну было три дня плавания, в хорошую погоду и при удачном ветре. Отец отправлялся туда на старой двухмачтовой каравелле с косыми парусами, без хоть какой-либо артиллерии на борту. Уж он-то как никто другой знал, что это был самый безопасный от пиратов морской путь во всём Внутреннем Море.

Во время плавания на меня ложились обязанности юнги, таково было решение отца, я драил палубу, помогал с установкой парусов на вантах, иногда, когда море было спокойным, то мне доверяли и стоять вахту рулевого. Так что, формально, да, я состоял в пиратской команде, но никогда не участвовал ни в одном грабительском рейде. Отец уже распланировал, что когда мне исполнится двенадцать, то он отправит меня во Фризланд, учиться мореходному делу, единственное место, по его мнению, где стоило это делать. Сам Эйрик хоть и был прирождённым лоцманом, но вот навигация, для которой требовалось знание точных наук, далась ему с большим трудом.

Желание пирата Энрико-ворона того, чтобы единствен-

ный сын пошёл по его стопам может показаться странным. Всё же, большинство морских головорезов желали только награть побольше и поскорее уйти на покой, редко кто отваживался испытывать удачу дольше пяти лет. Тогда я этого ещё не понимал, но амбиции отца простирались куда дальше простого разбоя, пусть даже он и был одним самых удачливых пиратов в истории. Сын простого рыбака с отдалённого глухого северного острова грезил о собственном королевстве, маленьком, но могучем южном Фризланде, чья мощь так же опиралась бы на флот.

Хотя, по сути он и так уже являлся правителем Корну, пусть и некоронованным. Конечно, наша семья не жила во дворце, подобно монархам, но у нас был относительно немаленький двухэтажный дом, даже с небольшим штатом прислуги. Но при этом Аслан-рейс, когда не враждовал с отцом, принимал его у себя как равного, даже несмотря на то, что уже удостоился титула бейлербея. Да и бывая у нас в гостях, туранец не показывал, что считает подобное ниже своего достоинства, хотя, думаю, тут больше сказывались его личная приязнь к моим родителям.

Единственный городок острова Корну напоминал, скорее, крупную прибрежную деревню. Как и бывает в портовых поселениях, все дороги шли не из центра, а расходились в стороны от причала. Самая широкая улица, которую можно было назвать главной, поднималась вперёд по холму и упиралась в отвесную скалу, из которых, по большей части, и со-

стоял Корну. Именно в конце этой улицы, в самой высокой точке города отец и возвёл свой дом, наняв строителей из самой Ньюциттии.

Что ещё необычно для пирата, хранил он свои награбленные сокровища прямо здесь же, в задней части дома, в специально выдолбленной в скале комнате, куда можно было пройти только из подвала. Притом, называл Энрико-Ворон свои богатства не иначе как казной.

Долгое время, мне, не видевшему ничего, кроме нескольких безымянных горных деревушек пастухов, наш городок, носивший то же название что и остров, казался чуть ли не центром цивилизации. Когда матушка рассказывала про величественные города на севере, мне они чудились чем-то вроде нашего Корну, только, разве что, на несколько домов побольше.

Но продолжалось это только до моего первого плавания в Ньюциттию. То, что я увидел, показалось мне чудом. Когда раскинувшийся вдоль побережья пёстрый город, расположившийся почти у подножья величественного вулкана, предстал передо мной, я не поверил своим глазам. Дома, дворцы, базилики, всё невероятных, ярких цветов. Античные городские виллы соседствовали с мрачными жилищами трёхсотлетней постройки, и тут же рядом мог стоять изящный современный особняк, выглядящий по-праздничному нарядно. Мощённые древние улицы пересекались мрачными узенькими переулочками, а рядом с ними мог пролегать

широкий проспект. Ньюиттию можно было бы сравнить с пёстрым нарядом арлекина, состоящим из множества разных лоскутков, одного из которых я впервые увидел тогда же.

А сколько же там было людей. Самых разных, со всех концов Империи, мне действительно подумалось, что тогда на ярморочной площади собрались жители со всего света. В тот раз мы отправились в путешествие всей семьей, и отец с мамой разъясняли мне всё, что было мне тогда в новинку. Меня очень удивили слова родителей, что это ещё далеко не всё, ведь Ньюиттию не случайно называют *Urbs supra Urbem*, то есть Городом над Городом, поскольку, как говорят, подземелья могут сравниться с тем, что наверху.

Но больше всего меня поразила порт Ньюиттии, точнее то, сколько там стояло различных кораблей. Здесь были и каракки, и нефы, и галеры, и, конечно же, галеоны, корабли вёсельные и парусные, всего не перечислить. Я никогда не видел густых хвойных лесов, про которые рассказывала мама, но тогда, созерцая бесконечные пики мачт, я смог наконец-то вообразить, как они должны выглядеть. Ну а когда отец сказал, что всё это только лишь тень фризландского флота, я подумал, что он точно решил надо мной подшутить.

Впрочем, я был на него не в обиде, в тот день мне всё казалось таким чудесным, будто я действительно попал в одну из тех сказочных историй. Тогда я ещё не знал, что Ньюиттия, и вправду пёстрый город, подобный лоскутам на одежде арлекина, только вот не все из этих лоскутов яркие и празд-

ничные, здесь жесткость могла соседствовать милосердием, порок с добродетелью, а свернув с залитой солнцем улицы, можно было сгинуть без следа в тёмных переулках.

Я ещё не знал сколько горя мне принесёт этот город.

Интерлюдия II

В дверь спальни постучали, и хозяин, со слушавшей его рассказ рабыней, отвлеклись.

– Господин, гости желают отобедать, по крайней мере, те, кто ещё может. – Раздался из-за двери привычный монотонно-надменный голос слуги Симона. – Прикажете подавать?

– Для начала скажи, ты уже исполнил, то что я приказывал? – Спросил Пелинор, всё так же из-за двери.

– Как вы и велели, баня готова.

Через некоторое время Адэр вместе со своей рабыней уже сидели в небольшом крытом бассейне с прохладной водой, до этого распарившись в парной-каллидарии. Гости же, с трудом собравшись, только приступали к банным процедурам, многие из них проснулись совсем недавно.

– У нас в деревне тоже была большая общая баня. – Улыбнулась Асми своим воспоминаниям. – Правда, мужчины и женщины купались в разные дни. – Смущённо добавила она. – У нас тоже была парная, где мы ещё хлестали друг друга вениками. Правда, почему-то так делали не все, часть селян только омывали себя водой в больших деревянных кадках. – Затем её голос погрузнел. – А когда я уже жила в поместье своих прежних хозяев, там ничего такого не было, мылись мы холодной водой из колодца или обтирались в маленьких ванночках.

– Ну, за эти термы надо сказать спасибо первому владельцу. – Заметил Пелинор.

– Лоренцо, верно? – Переспросила рабыня. Адэр, сам обладавший неплохой, как он считал, памятью, в очередной раз про себя удивился её способности запоминать имена.

– Да, верно. – Ответил сенатор. – Он вообще был поклонником всего античного. Во многом, именно ему мы должны быть благодарны тому, что нынешняя Таролокия столь многое переняла от Первой Империи и Республики. У граждан древнего государства считалось за правило посещать бани раз в день. Притом, не только для того чтобы мыться, в термах встречались для деловых переговоров, занятий спортом и, даже, философских споров, не случайно во многих из них были и собственные библиотеки. Конечно, после падения Первой Империи и многочисленных нашествий, общественные бани пришли в упадок. Церковь, некогда поддерживавшая в гражданах стремление к чистоте, теперь считала подобные места за рассадник порока, и совершенно ошибочно, если верить трудам любых древних авторов. Теперь горожане мылись уже в небольших частных или общественных купальнях, с теми самыми деревянными бадьями. И по иронии, именно такие места и стали использоваться для всяческого разврата. Но и те времена уже прошли, стараниями Лоренцо в моду снова вошли просторные термы для горожан, а лупанарии работают теперь вполне законно, как ты недавно могла убедиться. Притом, можно сказать, что всё это нача-

лось именно с этой небольшой бани, которую первый владелец виллы построил у себя.

Асми оглядела небольшой сводчатый белый потолок, всё помещение было выполнено в строгом классическом стиле, подразумевавшем отсутствие ярких цветов и вычурных украшений. Затем, рабыня с хитрой улыбкой посмотрела на своего хозяина.

– Господин, а не Вы ли совсем недавно, в разговоре с сенатором Квинтом, сетовали на то, что Империя слишком увязла в традициях? – Лукаво спросила она.

Пелинор уже второй раз за сегодня не мог не подивиться её памяти.

– Ну, знаешь, одно дело учиться у древних, а другое, нацепить на солдат шлемы с гребнем и воображать себя важным патрицием. – Ответил он с серьёзным лицом.

– Kurva! – Прервал их разговор, крик выбегающего из парилки Габора, лихо прыгающего в прохладную воду. Видя его, Асми прикрылась руками и прижалась к господину.

Вскоре, в дверях показалась Нэя, шедшая неспешно и грациозно, вот кто точно не смущался наготы, ни своей, ни чужой. Под угольно-чёрной кожей, покрытой шрамами, перекатывались бугры крепких мышц.

– У Золотого Лоренцо определённо был вкус. – Произнесла она, опускаясь в воду. – Однако, это далеко не туранские бани Принципалиса. А какие там были мускулистые массажисты. – Промурлыкала женщина похожая на хищницу. –

Вы ведь помните?

– Да помним. – Согласился Габор. – А ещё помним, что тебя не хотели пускать туда, особенно вместе с мужчинами, пока ты лично не поколотила половину тех самых крепких массажистов и остальных работников хаммама.

Асми, всё ещё прикрывающаяся руками и прижимающаяся к своему господину, в очередной раз не могла не задуматься, что же свело всех этих людей вместе. Господин со смехом отмёл её предположение о пиратской команде, и ей хотелось бы как можно скорее услышать продолжение его рассказа, но сейчас явно было не время.

После жаркой бани даже полуденный зной было переносить легче. Вскоре, хозяин виллы и все гости собрались за обеденным столом. Дольше всех, понятное дело, пришлось ждать Клода и Луга, пришедших в себя в парной, после неудачной утренней попытки излечить похмелье вином.

Обстановка была непринуждённая, Пелинор всё также сидел в своём восточном халате, накинутом поверх свободной рубашки. За столом снова собрались все, вне зависимости от сословия, в том числе и девушки из «Небесной Обители». Паприкаш оказался таким, как Асми себе его и представляла, густым жирным и острым, то есть явно не тем, что подходило для столь жаркого дня.

Жак Морван, спешно отобедав, даже не притронувшись к вину, откланялся первым. Сегодня начинались скачки, в которых участвовали его лошади, так что ему снова надо было

на Арену. Вскоре удалилась и Нэя, вместе с Мартой, Анной и остальными, будущей владелице игорного дома предстояло уладить некоторые дела. Закончив обед, Луг и Клод надумали вздремнуть перед Играми, а Габор предпочёл отправиться туда прямо сейчас. Пелинор попросил старого товарища передать извинения Морвану, последние дни его слишком утомили, и он не сможет присутствовать на скачках.

Асми помогла прислуге с уборкой, а когда поднялась проведать господина, оказалось, что он действительно спал, всё же баня, вино и плотный обед, сделали своё дело. Более того, проспал Пелинор до самого вечера, когда виллу покинули последние гости, а солнце уже начало клониться к горизонту.

Проснулся сенатор в отличном расположении духа, впервые за прошедшую неделю он почувствовал, что действительно отдохнул. Стоя на верхней открытой террасе, Адэр наслаждался прохладным ветром, приходящим на смену дневной духоте, видимо, где-то собиралась гроза.

– Господин, прикажете подавать ужин? – Послышался позади голос Асми.

– Пожалуй нет, такое чувство, что я до сих пор ощущаю привкус паприкаша. – Произнёс он с ухмылкой. – Знаешь, я кое-что вспомнил. Пойдём, покажу, пока ещё светло.

Пелинор провёл свою рабыню по галерее второго этажа, пока они не оказались перед одной из дверей, в южной части восточного крыла виллы. Как оказалось, здесь была библио-

тека, частично располагавшаяся прямо над кабинетом. Асми ещё никогда не видела столько книг. Были здесь, как и старинные, богато украшенные издания, так и более современные, в простых кожаных обложках, какие-то совсем новые, другие чуть потрёпанные или совсем уже ветхие. По некоторым книгам было заметно, что господин Пелинор прикасался к ним куда чаще, чем другим. Некоторое, судя по всему, он вообще никогда не открывал.

Однако, Адэр хотел показать своей рабыне не это, а картину, висевшую на стене. Это был портрет женщины, точнее ещё совсем юной девушки, но уже приближающейся к тому возрасту, когда родители серьёзно начинают присматривать ей «выгодную партию». Одета она была в старомодное платье с очень широкой в бёдрах юбкой, длинной талией и пышными рукавами, в наряде сочетались бордовый и чёрный цвета. Даже несмотря на пышный наряд, скрывавший фигуру, было заметно, что дворянка имела крайне хрупкое телосложение. Тонкая, почти прозрачная кожа, изумительно-белого цвета, будто тончайший фарфор. В зелёных глазах читалась печаль, а широкий кружевной воротник, казалось не давал ей дышать. Волосы цвет воронова крыла были собраны в причудливый узел.

– Мэри. – Догадалась Асми, кто был изображён на портрете. – Но... как такое возможно?

– О чём ты? – Спросил её Пелинор, не совсем поняв, что та имела в виду.

– Портрет был явно написан до того, как она сбежала из дома. – Привычно начала объяснять ход своих мыслей Асми. – Вещь это не самая удобная, чтобы прихватить её при побеге, к тому же он явно напоминал бы ей о прежней жизни, от которой Мэри и пыталась убежать. А значит, портрет Вам достался уже спустя многие годы. Ваша матушка вернулась домой? – С надеждой в голосе спросила она, хотя подозревала, что ответ будет иным.

– Пойдём, присядем. – Вместо ответа произнёс хозяин.

Пелинор спустился по винтовой лестнице в кабинет, Асми последовала за ним. Приоткрыв окно, чтобы впустить свежий воздух, сенатор зажёл несколько свечей, поскольку уже стремительно темнело. Вскоре, они оба сидели на резных стульях, неподалёку от окна, с откупоренной бутылкой хереса и двумя бокалами. Адэр снова закурил свою длинную трубку, что, как он утверждал, делал крайней редкостью. Так они сидели в полной тишине, прерываемой только далёкими звуками посёлка и чуть слышным потрескивающим шипением горящего табака. Адэр Пелинор, человек исключительной храбрости, чему Асми удалось стать свидетельницей совсем недавно, явно собирался с силами, не решаясь приступить к рассказу. Казалось, прошла целая вечность в молчании прежде чем он заговорил.

Глава 3 Погребальный костёр

Ни одна пиратская вольница не может существовать долго, а уже тем более Корну, который находился прямо под носом у Империи. Однажды, когда отец на Королеве Воронов отправился в очередное плавание, на горизонте показался имперский флот. Конечно, в это время в гавани стояли некоторые пиратские корабли, но их команды составляли обычные мелкие разбойники, никто из них не мог сравниться со знаменитым Энрико-вороном. Да и даже будучи десятилетним ребёнком, я понимал, что ни у кого из них нет шансов против армады галеонов и каракк, способных разнести мелкие пиратские судёнышки в щепки. К тому же, когда флот уже подойдёт к берегу, вряд ли они даже паруса успеют поставить, а сражаться на суше против имперского десанта — затея заведомо глупая, даже в том случае, если бы наши силы были сопоставимы. Так что все просто покорно ждали своей судьбы.

Впрочем, произошло именно то, на что большинство и рассчитывало. Когда имперские солдаты построились на том, что можно было назвать главной площадью города, то есть напротив кабака, стоящего рядом с пристанью, офицер громко зачитал императорский приказ, помилование даровалось самим Филиппом V всякому, кто своей кровью пожелает искупить грехи перед Народом, Империей и Короной.

Всё же, Таролокии нужны были все силы в надвигающейся полномасштабной войне с Тураном. Конечно же, отдельно оговаривалось, что помилование не распространяется на таких отъявленных негодяев как Энрико, по прозвищу Ворон и его жену Мэри, известную под прозвищем Ведьма Морриган. Власти Империи больше не намеревались мириться с буйным нравом отца, подобным самому беспокойному морю, то насылающему попутный ветер, а то готовому разнести корабль в щепки. К тому же, флоту явно был необходим Корну, удачно расположенный на пути между Таролокией и Тураном.

Я был среди прочих мальчишек, с затаённым дыханием слушавших зачитываемый приказ в порту, но как только дошло до упоминания моих родителей, со всех ног бросился вверх по улице, домой. Не знаю на что я рассчитывал, не понимаю, что я мог бы поменять своими силами, но чувствовал, что должен что-то сделать. Однако, забежав в дом, я увидел свою мать, сидевшую за столом, неподалёку от очага, одета она была в своё лучшее выходное платье, красное с чёрным, перед ней на столе лежали два её пистолета.

Тогда я не мог понять почему она была так спокойна, но только лишь спустя годы сам усвоил, что если нет другого выхода, то неотвратимую судьбу стоит, хотя бы, встречать с достоинством. Всё же, Мэри-Элизабет Плеинор-Дормут была невероятно мудрой женщиной.

– Мама, мама! Там! – Закричал я, сам не понимая, что

хочу ей сказать.

– Успокойся, я всё знаю. – Даже в такой ситуации её голос не дрогнул, в нём всегда чувствовалась властность и лёд. – Присядь, переведи дух, не подобает так встречать гостей.

– Гостей?! – Удивился я.

Тут дверь распахнулась, и в дом вошли четверо крепких солдат в кирасах, с мечами, пистолетами и аркебузой наготове.

– Господа? Какая неожиданность. Желаете чего-нибудь выпить с дороги? – Спросила мама вошедших холодно, но изображая вежливость, как будто они действительно были нежданными гостями.

– А ну заткну... – Замахнулся было на неё солдат с аркебузой прикладом.

– Отставить! – Раздался крик от входной двери, больше похожий на звериный рык. – Все вон!

В дверном проёме появился человек, напоминающий поседевшего льва. Несмотря на то, что, похоже, он уже разменял шестой десяток, выглядел мужчина крепче многих молодых бойцов. Правильного сложения, крепко сбитый, с длинной густой бородой, уже поседевшей, но в которой всё ещё можно было разглядеть редкие чёрные волосы.

– Прошу прощения, некоторые совершенно не имеют представления о манерах, достоинстве и чести. – Произнёс вошедший, уже куда более спокойным, тихим и низким голосом. – Я бы не отказался от мультсума.

– К сожалению, здесь довольно трудно достать мёд. – Ответила матушка, вставая из-за стола и беря кувшин из буфета. – Могу предложить вина с родниковой водой, господин Дория.

Только сейчас я понял, что передо мной был, без преувеличения, легендарный адмирал Чезаре Дория, настоящий герой Империи, одно имя которого наводило ужас на туранских пиратов. При этом, даже его враги, распространявшие самые грязные слухи о Дория, не могли упрекнуть его в жестокости или трусости. Он действительно совершенно искренне и преданно служил Империи и её народу, как он сам всегда это подчёркивал. До сих пор Дория является примером доблести для любого, кто называет себя офицером имперского флота.

– Благодарю, леди Пелинор. – Произнёс герой, присаживаясь за стол. Услышав подобное обращение, матушка метнула в его сторону взгляд, будто пытающийся пронзить его ледяными иглами.

– Прошу, Ваше вино. – Поставила она глиняный кубок перед Чезаре, голос её был столь же холодным.

– Благодарю, Вы столь любезны. – Ответил адмирал, будто, не замечая направленного на него взгляда, от которого, обычно, становилось не по себе и последним головорезам. – Увы, не удалось застать Вашего супруга дома.

– Не волнуйтесь, Вы ещё с ним встретитесь. – Ответила Мэри.

– Да, но увы, не так, как мне хотелось бы. – В голосе знаменитого адмирала чувствовалась неподдельное сожаление о том, что всё сложилось именно так. – Я множество раз писал Энрико, что человек его талантов, мог бы добиться многого, предпочти он ходить под флагом Империи.

– Как Вы знаете, когда-то так и было, но, видимо, не всем это по душе. Особенно, когда моряки, перевозящие золото, сами не могут позволить себе пару ботинок. – Решила поддеть Чезаре матушка.

– Бросьте, жалования матроса, вполне, хватает чтобы прожить. – Устало ответил адмирал.

– Откуда же тогда берётся столько пиратов? – Тут же спросила его Мэри.

– Собственные несчастья – не повод преумножать несчастья других. – Парировал герой Империи.

– То есть Вы признаёте, несчастье матросов, которым зачастую недоплачивают их «достойное» жалование? – Впервые на лице матери, с начала этого разговора появилась тень довольной улыбки, когда ей удалось поймать собеседника в ловушку.

– В любом случае, я тут не для пустых споров. – Голос Чезаре Дориа стал более собранным. – Мэри-Элизабет, Ваш стопочтенный отец, приложил немало усилий, для того, чтобы Империя, в качестве наказания за Ваши многочисленные преступления, изгнала Вас с наших земель ... и морей. После непродолжительного пребывания в Ньюциттии, Вас, со всем

почтением и не причиняя ни малейшего неудобства, переправят в Умбрию, – тут, впервые за всё время, адмирал посмотрел на меня. – вместе с наследником.

– Наследник, конечно. – Презрительно ответила мама. – Что ещё его может волновать?

– Простите, мне не довелось услышать, что именно сказал сэр Пелинор, возможно он употребил другое слово. – Попытался сгладить углы Чезаре. – К тому же, с переводом мог исказиться и смысл.

– Вы довольно точно передали смысл того, что он имел в виду. – В голосе матери снова чувствовался ледяной холод.

– Мэри, у Вас, в любом случае, нет выбора. Я мог бы долго расписывать какая это невиданное удача, для кого-то, с таким прошлым, избежать наказания. Но вместо этого, я попрошу Вас. Не знаю, что за отношения у Вас с сэром Пелинором, но, хотя бы, выслушайте то, что он хотел бы Вам сказать, пока не стало слишком поздно. – Герой Империи, гроза пиратов Внутреннего Моря, вдруг понуро опустил голову. – Я сейчас говорю с Вами не как адмирал, а как отец. – На последнем слове Чезаре Дория заметно запнулся, было видно, что для него это крайне болезненная тема.

Мама, впервые на моей памяти, не нашлась что ответить. Казалось, её ледяная броня дала трещину, в глазах промелькнула та самая грусть, которую я видел, когда она рассказывала про таинственные, древние леса Умбрии.

– И, Мэри, мне действительно жаль, что всё вышло имен-

но так. – Искренне произнёс адмирал Дория. – Прошу, пройдем на мой Освободитель.

Вскоре матушка, вместе с которой шёл и я, направлялась в порт. Несмотря на то, что она была пленницей, но шествовала подобно королеве, свиту которой составляют знаменитый адмирал и четверо солдат в доспехах. Нас провели через весь городок до самой пристани. Конечно, мне не впервой было видеть большие корабли, как здесь, так и в Ньюиттии, являющейся основным портом Империи во Внутреннем Море, но сейчас я узрел знаменитого Золотого Орла, флагман имперского флота. Обычно, даже самые крупные галеоны не достигали длинны в сто пятьдесят футов, а эта монструозная плавающая крепость имела и все двести пятьдесят, если не больше, количество орудий переваливало за сотню, этот корабль в одиночку мог выстоять против целого флота.

Однако, нас с матерью сопровождали на куда более скромный по размерам Освободитель, один из первых галеонов спущенных на воду, построенный лично для Чезаре Дория. Как и его капитан, корабль прошёл через многое, но выглядел всё ещё крепким.

– Как видите, мы подготовились к встрече с Вашим супругом. – Произнёс адмирал, когда мы все уже поднялись на палубу Освободителя. – На Орла погрузят все награбленные ценности, не думаю, что даже Энрико настолько безрассуден, чтобы напасть на флагман, значительная часть флота останется на Корну, так что и бежать Вашему мужу будет

некуда.

— Он называл это казной. — Только и ответила мама на все речи Дория.

Герой Империи, видимо хотел что-то ей сказать, но потом передумал, скорее всего, не желая начинать очередной бессмысленный спор.

— Прошу, проследуйте вместе с сыном в каюту, погода не самая благоприятная, так что, возможно, нам придётся идти до Ньюиттии целую неделю. — Адмирал отдал приказ мягко, как будто, это действительно была просьба.

Опытный флотоводец оказался прав, под конец осени погода во Внутреннем Море была не самая подходящая для судоходства. Всю эту неделю, сидя в каюте, матушка рассказывала все те многочисленные истории о рыцарях, к которым принадлежал наш знаменитый предок. Знала она их немало, но судя по всему, многие из них писались совершенно разными людьми, в разные времена, поскольку явно противоречили друг другу. Вечерами, мы ужинали вместе с Чезаре Дория и прочими офицерами. Адмирал постоянно развлекал всех продолжительными рассказами о своём героическом прошлом. Правда, в его пересказе, всё выходило не совсем таким, как принято было бы сейчас описывать жизнь великих, всё больше походило на длинную цепочку курьёзных, смешных или трагичных случаев, без намёка на какие-то величие. Скорее, так старый рыбак будет вспомнить самые забавные происшествия из своей жизни, опуская подробности

о своём тяжёлом, ежедневном труде. Только Чезаре рассказывал нам не о случаях на лове, а об одних из самых громких событий этого века, в которых ему довелось поучаствовать.

Через неделю нас доставили в Кастелло-Новус, замок Нюцитти, расположенный у самого берега. Это была величественная постройка, производящая впечатление, могучие высокие стены, тёмной тенью возвышались над окружающими пёстрыми домами. Правда, сами укрепления возвели ещё несколько столетий назад и против мощной артиллерии они были уже совершенно бесполезны. Как и многие старые замки сейчас, использовался он как тюрьма, для тех, кто недостаточно провинился, чтобы отправлять его на галеры или каменные карьеры. Также, здесь были и, можно сказать, камеры для привилегированных постояльцев, больше напоминающие комнату неплохого постоялого двора, с той лишь разницей, что её нельзя было покинуть по собственной воле.

Впрочем, Чезаре Дория позаботился о нашем комфорте и здесь, нам разрешалось прогуливаться по стенам, откуда открывался завораживающий вид на город. Также адмирал постоянно приносил нам угощения и книги, когда мама их попросила, всё же, даже в такой ситуации она не забывала о том, чтобы я чему-то учился каждый день. Как подозревала матушка, Дория был неспроста так добр, да, конечно же, он явно считал это благородным поступком – вернуть сбежавшую дочь отчаявшемуся отцу, однако, свою роль тут явно сыграли те деньги, которые лорд Пелинор не жалел для

этого. Всё же, для человека, приятнее чем совершить доброе дело, совершить хорошо оплачиваемое доброе дело.

Так прошла ещё пара долгих недель. Золотой Орёл, который должен был уже прибыть, явно задерживался, скорее всего из-за погоды, как предполагал Чезаре, допустить, что с непотопляемым флагманом имперского флота, могло случиться что-то ещё, адмирал отказывался. Но всё же, однажды поздним утром, высокие мачты устрашающего галеона показались на горизонте. Корабль встал на якорь в гавани, со стены замка, стоявшего у самого моря, было отлично видно, что он явно потрёпан в бою. Солнце уж приближалось к зениту, когда команда галеона спустила на воду несколько шлюпок, все они были забиты пехотинцами в кирасах. На берегу же стало заметно большое чёрное пятно, мелькавшее сред них, вскоре стало понятно, моего отца схватили и ведут прямо сюда, в замок.

В тот момент мы с мамой и адмиралом Дориа, как раз наблюдали за этим со стены замка. Матушка старалась не показывать вида, но было заметно, что для неё видеть отца, которого явно вели на казнь, было большим потрясением.

– Вы можете поговорить с ним, леди Пелинор, если желаете. – Произнёс Чезаре.

– Damno. – Выругалась мама, впервые на моей памяти. – Конечно. Вы ещё спрашиваете.

– Тогда прошу за мой. – Ответил адмирал.

Он провёл нас по винтовой каменной лестнице во двор

замка, где, как мрачное предзнаменование, уже стояла виселица. Вскоре сюда привели и отца, которого, помимо капитана Золотого Орла, конвоировали не менее двух десятков солдат, в кирасах, с мечами и невероятно дорогими мушкетами и аркебузами с колесцовым замком, Империя явно не жалела денег на вооружение ударной команды флагмана своего флота.

Что удивительно, отец совершенно не выглядел ни как человек, который потерпел поражение в сражении с самым грозным кораблём Внутреннего Моря, ни как пойманный разбойник. Более того, сейчас на нём был даже его знаменитый короткий чёрный плащ-ропон, отороченный мехом. Шедший рядом с ним капитан, нёс в руках его меч, как трофей.

– Адмирал Дория, наконец-то! – Как ни в чём небывало, с улыбкой на лице, произнёс Энрико-ворон. – Это честь увидеть знаменитого героя Империи.

– Эрик! – В чувствах выкрикнула мама.

– Привет, Мэри. Прости, что задержался, скоро мы отправимся домой. – Сказал отец, будто речь шла о том, что он обыденно опоздал к ужину.

– Простите, Энрико, но, мне кажется, тут Вы заблуждаетесь. – Вмешался Чезаре, несмотря на ситуацию, тон его был не насмешливый, а скорее настороженный. Прошедший через бесчисленной множество битв старый вояка, выработал нечеловеческое чутьё, которое, похоже, сейчас ему что-

то подсказывало.

– Поверьте, адмирал, я редко ошибаюсь. – Отец посмотрел прямо в глаза Чезаре Дориа.

– Схватить его! – Вдруг рявкнул адмирал, вынимая из ножен свой меч.

Стоящие вокруг него охранники не могли понять что происходит, а отец, между тем, резко выбросил вперёд из-под плаща руки, в каждой из которых был взведённый пистолет. Окружающие отца солдаты, также нацелили свои мушкеты на адмирала и стражников замка.

– Мэри, Адэр, сюда. – Скомандовал капитан переодетых пиратов. Мы с мамой со всех ног кинулись к нему.

– Энрико, одумайтесь, Вы не уйдёте отсюда, это безумие! – Попытался вразумить отца Дориа. Стражники уже спешно опустили за спинами у пиратов тяжёлую, железную решётку ворот.

Тем временем, он передал один из пистолетов матери, а сам забрал у капитана Золотого Орла свой меч, уже давно стало ясно, кто на самом деле из них двоих был пленником.

– И почему я так часто слышу это слово? – Наигранно удивился Эйрик. – Я мог бы с Вами поспорить, Чезаре, однако, вместо меня, Вас куда лучше переубедит этот звук, прислушайтесь.

Удивительно, но все затаили дыхание, не понимая, что имеет в виду Энрико. Повисло молчание, через некоторое время, стало слышно, как башенные часы отбивают полдень.

А где-то после пятого удара раздался оглушительный грохот, а затем вокруг нас стал твориться настоящий кошмар. Весь замок содрогался, от башен отлетали огромные глыбы, но это было не землетрясение, а залп Золотого Орла, который, как уже было件нятно, был захвачен пиратами. Люди бросались в рассыпную, кто-то пытался прикрыть голову рукам, правда от падающих камней это всё равно не спасло бы. Шум стоял такой, будто Митра снова решил низвергнуть с неба Богов-предателей в Нижний Мир. Одна из стен, которой досталось больше всего, треснула, а затем осыпалась грудой чёрных камней, и всё это только после одного залпа.

– Адмирал, прикажите поднять ворота замка. – Уже со сталью в голосе произнёс отец, наставив на Чезаре пистолет. – Я отдал приказ не прекращать обстрел города и замка, пока я снова не покажусь у входа, и поторопитесь, до следующего залпа не так много времени. Кстати, если они не увидят меня с семьёй через полчаса, то тогда они будут палить, пока не истратят почти весь боезапас. Сколькими жизнями Вы готовы рискнуть, ради поимки меня?

– Вы чудовище, Энрико! – В гневе выкрикнул старый Дориа.

– Я пират, чего Вы ещё ожидали? – Ответил отец, как будто это было чем-то само собой разумеющимся.

– Открыть ворота! Быстрее! – Отдал приказ адмирал. – Энрико, подумайте о жене и сыне, у вас не получится уйти, сюда идёт армада, они нападут на Золотой Орёл, как только

увидят, что он захвачен.

– Что ж, это будет славная битва.

– Это безумие!

– Вы повторяетесь, Чезаре. Прощайте, приятно было познакомиться.

Вскоре, мы со всей остальной командой уже садились в шлюпки, это был самый опасный участок пути, здесь мы были беззащитны, поэтому гребцы старались изо всех сил. Когда мы отошли от берега на расстояние, с которого не достанет выстрел мушкета, стало заметно, как все наконец расслабились.

–Эрик! – Мама кинулась объятья отца. – Но как?

– Сейчас всё увидишь сама. – С улыбкой ответил он.

Когда мы поднялись на палубу флагмана, точнее уже бывшего флагмана, имперского флота, внезапно, нас встретил ни кто иной, как сам Аслан-рейс, в богато украшенных туранских доспехах, как и подобало бейлербею.

– Приветствую Мэри. Вижу, всё удалось, и ты вернулся со своей пери, Энрико. – Произнёс султан Икосии, улыбнувшись в бороду.

– Благодаря тебе, старый лис. – Добродушно ответил отец.

– А ладно, не время для любезностей, я уже отдал приказ ставить паруса, надо уходить как можно скорее. Конечно, на этом левиафане чувствуешь себя хозяином морей, как тот древний бог из ваших сказок, но лучше не проверять это в схватке со всем флотом Империи. – С этими словами туран-

ский флотоводец отправился дальше раздавать приказы команде.

– Но как, Эрик? – Уже второй раз мама удивилась тому, как отцу удалось всё это провернуть.

– Мы тогда находились не так далеко к северу от Корну, на основных островах архипелага. Кое-кто из рыбаков решил предупредить меня, когда увидел имперский флот. На другой стороне острова, стояла рыболовецкая шхуна, на которой они до меня, довольно быстро, и добрались. Удачно, что тогда же неподалёку находился и флот Аслана. Вместе с ним нам и удалось захватить Орла, о дальнейшем, думаю, ты догадываешься.

– Но, неужели, он согласился просто так пойти на такой риск? – Удивилась мама.

– Конечно же нет, помимо этого галеона, я пообещал ему отдать ещё некоторые безделушки.

– Безделушки?

– Да, всего лишь всё своё золото, жемчуга, самоцветы и прочее. – Как ни в чём не бывало, ответил отец.

– То есть отдал ему все свои сокровища?

– Сокровища? – Переспросил Энрико-ворон. – Нет, только безделушки, у меня всего два сокровища. – С этими словами он обнял маму, а затем подозвал и меня присоединиться.

– Но что теперь с нами будет? – Спросила Мэри.

– Не знаю, может вернёмся на север, а может попытаем

счастья в Новом Свете. – Ответил отец. – Прости меня, моя королева, что не смог преподнести тебе королевства.

– Нет, ты уже дал мне всё, о чём я мечтала. – С этими словами мама обняла нас ещё крепче, а её рука нежно взъерошила мне волосы.

– Капитан! Капитан! – Прервал момент нашего воссоединения, один из пиратов. – Они приближаются!

И действительно на горизонте уже была видна имперская армада, а на берегу в мелкие гребные судёнышки грузились солдаты, готовясь взять корабль на abordаж. Тут снова подошёл и Аслан-рейс.

– Команда не успеет поставить паруса, а даже если так, то выйти в море всё равно не сможем, да и манёвренности это громадине не хватит чтобы уйти. – Мрачно произнёс тура-нец.

– Тогда у нас есть только один выход. – Ответил отец.

– Верно, капитан! – Подхватил, подошедший к нам Мо-сий, попыхивая своей трубкой. – Отправим их на дно! Эй вы, собачьи дети, готовь мушкеты! Наш ждёт славная драка! – Начал он отдавать приказы команде.

– Отлично, прикажу канонирам дать залп картечью по шлюпкам, ядра зарядим как подойдут галеоны. – Деловито произнёс Аслан-рейс. – И ещё, Энрико... – Сказал он уже изменившимся голосом, но запнулся, будто, не зная чем закончить фразу.

– Я понимаю. – Отец кивнул, смотря своему старому со-

пернику прямо в глаза. – Для меня это тоже было честью.

Суэта, и до этого царившая вокруг нас, только усилилась, а мои отец и мать стояли молча обнявшись. Наконец, первой отстранилась мама.

– Надеюсь, ты захватил для меня одежду поудобнее, не могу же я драться в этом. – С ледяной улыбкой спросила она своего супруга.

– Как-то не сообразил, но думаю, ты найдёшь что-нибудь в каюте капитана. – Ответил он, и матушка спешно ушла искать себе подходящий по случаю наряд.

Отец, какое-то время смотрел ей в след, а затем повернулся ко мне и тоже немного растрепал мне волосы своей могучей ладонью.

– Адэр. – Произнёс он, глядя мне прямо в глаза. Конечно, сейчас отец мог бы сказать мне многое, но всё это было бы лишним, его взгляд, в котором смешались нежность и железная воля, говорил мне намного больше, я понял его без слов.

Вскоре на палубу вернулась и мама, сменившая своё платье на короткие широкие штаны, просторную рубашку и башмаки с пряжками, пистолет она заткнула за широкий матерчатый пояс, а на боку висел длинный кинжал. Теперь это снова была ведьма Морриган, а не Мэри-Элизабет Пелинор-Дормут. Многие из пиратов приветствовали её радостными возгласами.

– Ну, теперь мы им покажем. – Произнёс отец улыбнувшись. Вынув свой меч из ножен, он поднял его над головой.

– Отправим их на встречу с Морским Дьяволом! Готовься!

Энрико-Ворон, начал ходить по палубе, размахивая и мечом и подбадривая команду, готовящуюся к предстоящей схватке, его плащ развевался подобно крыльям огромной чёрной птицы.

– Адэр, послушай, сейчас ты пойдёшь в каюту капитана и будешь сидеть там, чтобы ты не услышал снаружи. Ты меня понял? – Мама обняла меня и с нежностью посмотрела в глаза. Затем взяла в руку кинжал и срезала небольшую прядь своих иссиня-чёрных волос, скрутила её и положила в небольшую круглую, серебряную шкатулочку с цепочкой, больше напоминавшую яйцо. – Это медальон-локер, такие распространены на моей родине. – Я впервые увидел слёзы в глазах мамы. – Пусть будет у тебя. – Затем она чуть замялась, как будто, не решаясь, стоит ли говорить, то что она собирается. – И ещё, если когда-нибудь... а, впрочем, неважно. Иди.

Прогремел первый залп, это стреляли картечью по приближающимся к кораблю шлюпкам с солдатами. Я, как мне и было сказано, спрятался в каюте капитана. Снаружи сражение только начиналось, судя по звукам, солдатам и имперским матросам с кораблей, что стояли в порту, удалось взобраться на палубу, но те были отброшены обратно в море или перебиты. Через некоторое время галеон дал залп и с другого борта, а значит корабли флота уже подходили. Вскоре к звуку выстрелов добавился звон сабель и мечей. На палубе

Орла сейчас разворачивалась настоящая битва.

Прошло уже немало времени с того момента, как нас пытались взять на abordаж, когда дверь в каюту, внезапно, с силой распахнулась. В проёме показался Мосий, вдоль его левой щеки шла свежая кровоточащая рана, его рубашка была красной от крови, а сам он с трудом стоял, опираясь на свою саблю.

– Пойдём, Воронёнок. – Позвал он, только Мосий называл меня этим прозвищем, которое сам же и придумал.

Я последовал за ним, явно сейчас было не время для расспросов. Бывший казак провёл меня к одному из нижних оружейных портов, затем сказал помочь ему отодвинуть пушку.

– Прыгай. – Приказал он. – Ты хорошо плаваешь, Воронёнок, до берега доберёшься, а там уже...

– А как же мои родители? – С надеждой спросил я.

Мосий не ответил, всё было ясно и так.

– Мосий, а как же ты?

– Не переживай, Воронёнок, старый казак Мосий врагу не дастся. – Говоря это он что-то искал, а затем вынул из-за пазухи трубку и начал набивать её. – Давай, лети, Воронёнок. А мне пришло время для последней люльки.

Я понимал, что не имеет смысла уговаривать его спастись, ему не хватит сил доплыть до берега. Сбросив с себя верхнюю одежду и башмаки, я прыгнул за борт. Вода в это время года была холодная, вокруг меня плавали обломки

шлюпок и мертвецы, море покраснело от крови. Но сейчас мне некогда было предаваться страху или печали, всё моё естество занимало только стремление добраться до берега, далеко не всякий взрослый моряк, способен был бы столько проплыть. Я начал грести, вскоре, вода, поначалу казавшаяся мне ледяной, уже даже не чувствовалась, плечи и лёгкие начали гореть огнём, но я всё продолжал. В какой-то момент, мне действительно показалось, что это конец, мне не доплыть до берега, в глаза уже начало темнеть, я почти потерял сознание, когда, всё же, выбрался на камни.

И тут, позади раздался оглушительный грохот, самый мощный из тех, что звучали сегодня в нюциттийской гавани, это был взрыв. С трудом обернувшись назад, я увидел как пылает Золотой Орёл, а вместе с ним загораются и два других галеона, что взяли его на abordаж с обоих бортов. Похоже, Мосий, всё же, докурил свою последнюю трубку.

Эйрик, известный большинству как Энрико-ворон, действительно был последним настоящим нордсманном. Большую часть жизни проведя в море, он завоевал собственное королевство, умер в бою, а теперь пылал его погребальный костёр, наверное, самый богатый в истории всех северных ярлов и конунгов, вместе с ним теперь были погребены его сокровища, а его жена, также добровольно пошла с ним в загробный мир. Мэри могла спастись, но предпочла умереть со своим возлюбленным.

Впрочем, в тот момент, конечно же, у меня в голове были

совершенно иные мысли. Я сидел на берегу, сжимая в руках серебряный медальон, что подарила мне напоследок мама. Мне было десять лет, и я остался один на один с большим, пугающим городом.

Глава 4 Элия

Я ещё долго сидел на камнях, пытаюсь перевести силы и собраться с мыслями. Я выплыл на берег чуть южнее Каstellо-Новус, в рыбацком квартале. Долгое время в Ньюциттии действовал запрет на строительство вне городских стен, который был снят относительно недавно. Правда, первое время, вне черты старого города, так и продолжали селить исключительно иноверцев, но всё же, время взяло своё, и уже те, кому переставало хватать места в городе, заселили местность к юго-западу.

Поднявшись на ноги, я, не разбирая дороги, пошёл вперёд, вокруг меня сейчас царит суета, но мне было не до этого. Не помню как и почему, но ноги как-то сами вели меня в центр города. Также не смогу вспомнить как прошёл через городские ворота, но очнулся я только когда уже блуждал среди узких запутанных улочек. Лишь сейчас я начал осознавать всю тяжесть своего положения. Спустя годы пришло понимание, что лучшим решением в тот момент было найти Черзаре Дория, который мог бы отправить меня к деду, однако тогда такая мысль даже не приходила мне голову.

– Подожди. – Я услышал за спиной тонкий голосок.

Обернувшись, я увидел маленькую девочку моего возраста или, может, чуть младше. Невысокая, с загорелой кожей, выгоревшими на солнце некогда тёмными волосами и боль-

шими светло-серыми глазами на заплаканном личике. Из одежды на ней было только простое холщовое платье чуть ниже колен, хотя, этот кусок ткани и платьем назвать было трудно, также как и я в этот момент, была она совершенно босая. Сейчас мы с ней стояли друг напротив друга, в грязном безлюдном переулке совершенно одни.

– Ты тоже? – Дрожа спросила она. – У тебя тоже?

– Что тоже? – Грубо переспросил я её, мне явно было не до какой-то нищенки.

– У тебя тоже родителей убили? – Наконец решилась она задать свой вопрос.

Внутри всё сжалось, а в желудок, как будто, кто-то засунул огромный кусок льда. Откуда она знает? Она меня выдаст? Неужели мне придётся её побить, чтобы она не позвала стражу? Однако, реальность оказалась куда страшнее, даже если бы она прямо в тот миг достала из-за спины кривой туранский кинжал и пронзила им меня, и это не причинило бы мне столько боли, как то, что она сказала дальше.

– Когда начали стрелять, ядро угодило в наш дом, папа тогда отсыпался после утреннего лова, готовясь к вечеру, а мама готовила обед. – Всхлипывая рассказывала девочка. – Она, вышла меня позвать, когда... когда... – Не выдержав, малютка разревелась, подошла ко мне и уткнулась лицом в грудь.

У меня же в этот момент земля ушла из под ног, мир вокруг будто начал расплываться, к горлу подобралось что-то

огромное и отвратительное, а в руках я почувствовал холод. До этого я знал, что мой отец человек лихой, что его голову хотели заполучить как в Империи, так и в Туране. Однако, в моих глазах он выглядел как герой, бросающий вызов могучим врагам. Я восхищался им в тот момент, когда он обвёл вокруг пальца самого Чезаре Дориа, по сути, взяв в заложники целый город.

Теперь же я видел, что у его действий была и обратная сторона. Бессмысленно было пытаться оправдать отца тем, что его вообще не было на корабле в момент залпа, именно он, а не кто-нибудь другой, отдал приказ обстреливать Ньюцитию, именно из-за его действий пострадали невинные люди, и подтверждение этому было сейчас прямо передо мной. А главное, я был одной из причин, того, что произошло. Я чувствовал, что тоже виновен во всех этих смертях и разрушениях.

До этого мне не было дела до того, что происходит с городом, я был слишком погружён в себя, но теперь начал понимать почему в районе, где жили рыбаки стояла суматоха. До моего слуха донеслись звуки колоколов, плачь, вопли и крики. В южной части Ньюцитии, после того, как её обстреляли, вспыхнули многочисленные пожары.

Девочка, всё ещё продолжала рыдать, уткнувшись лицом мне в грудь. Я должен был её утешить, но боялся к ней прикоснуться. Мне казалось, что стоит до неё дотронуться, я тут же превращусь в пепел, что меня поразит молния. Она нуж-

далась в том, чтобы её сейчас пожалели, но я был явно не тот, кто должен был это сделать.

– Да, мои родители тоже... – Только и смог выговорить я, сам ещё до конца не решаясь принять ту истину, что у меня никого не осталось.

Когда её всхлипы чуть поутихли, я решил, что надо что-то делать, мы не могли вечно оставаться в этом грязном переулке. К тому же, была, хоть и южная, но поздняя осень, начинало холодать, а небо постепенно затягивало тучами.

– У тебя есть родственники, которые могли бы приютить тебя? – Спросил я. – Может, бабушка с бабушкой или дяди, тётки?

– Нет, мы с родителями были одни. Они приехали с севера в город, у нас здесь никого нет. – Ответила она, всё ещё заплаканным голосом, но уже без всхлипов.

– А приют для сирот? Должен быть в городе приют при церкви.

– Нет, пожалуйста, – взмолилась она – не отдавай меня туда! Про него рассказывают страшные вещи. Что угодно но только не туда!

Она задрожала, явно готовясь опять разреваться, этого допустить было нельзя.

– Успокойся, нет так нет, значит туда идти не стоит, что-нибудь придумаем. – Попытался я придать своему голосу уверенности, которой во мне сейчас не было ни на гран.

Однако, поняв, что сейчас на мои плечи, действительно,

неожиданно легла ответственность за судьбу этой девочки, я начал думать о том, как поступить в этой ситуации. Впервые, с того момента как прыгнул за борт в ледяную воду, я начинал мыслить ясно, точнее, все, о чём не хотел думать, задвинул куда-то глубоко, сосредоточившись на непосредственном моменте. Удивительно как мужчине, пусть у которого ещё и пушок над губой не вырос, помогает справиться с мыслями растерянность женщины, пусть и настолько юной, что её никто бы и не решился назвать даже девушкой.

Конечно же, лучшим решением в тот момент было бы, не смотря на протесты и причитания, отвести её в приют для сирот при церкви, даже если бы пришлось тащить силой. Однако, тогда я ещё не понимал, что не стоит слепо верить всему, что слышишь, даже от человека, которому всецело доверяешь, тем более, от человека, которому всецело доверяешь.

– Ты знаешь, как пройти в портовый район? – Спросил я, ещё не совсем понимая зачем, просто надо было куда-то уйти из этого грязного переулка, а для меня, выросшего на острове, порт казался, хотя бы, чуть более привычным местом.

– В порт? Конечно, иди за мной. – Удивилась она, однако согласилась выступить провожатым. – Но родители говорили, что это не то место, куда стоит ходить, моряки любят похищать детей, чтобы продать в рабство.

– Ничего, что-нибудь придумаем. – Отмахнулся я, всё ещё пытаюсь придумать как действовать дальше. – У тебя имя есть? – Даже не из вежливости, а скорее по привычке, спро-

сил я.

– Элия. А тебя как зовут?

– Адэр. Сколько тебе? – Всё также продолжал я задавать по дороге вопросы, не особо задумываясь над ними.

– Сколько чего? – Она остановилась и посмотрела на меня.

– Сколько лет. Мне – десять, а ты когда родилась? – Попытался я ей разъяснить вполне простой вопрос.

– Не знаю, мама никогда мне не говорила этого, да, скорее всего, и сама не знала. – Растерянно ответила она.

Понятно, в крестьянских, да вообще в любых семьях простолюдинов, такие вещи никого не волнуют, некоторые, так вообще далеко не всегда могут сказать сколько у них вообще детей. Эти мысли навели меня на ещё один вопрос.

– У тебя есть братья или сёстры? – Спросил я.

– Я долго была одна в семье, мама и папа всегда молили Митру, чтобы он послал мне братика, они ставили свечи перед иконой святой Серапии в большом соборе и в церкви Санта-Чиара, что на холме Пинто, даже ходили к Старой Эфинии, что живёт за городом. Как раз недавно, у мамы начал расти животик, но тут... – Спрашивать её об этом было ошибкой, Элия готова была снова разреветься, надо было как-то её отвлечь.

– Мама не рассказывала, что происходило в тот год, когда ты родилась? – Решил я зайти издалека.

Так, постепенно выпрашивая её о различных событиях,

праздниках в честь святых и прочем, удалось выяснить, что сейчас ей было девять лет.

– Девять? – Переспросила она, посмотрев на свои пальчики. Похоже, родители не обучили её даже счёту. – Кстати, Адэр, я не помню тебя рыболовецком квартале, хотя, казалось, знаю там всех.

– Я не оттуда. – Ответил я, ничего не уточняя.

Неудивительно, что она поначалу подумала, что я могу быть из детей рыбаков, выглядел я сейчас как обычный городской босяк. Конечно, если приглядеться, то можно было бы заметить, что мои штаны и рубашка навывпуск из куда более дорого ткани, чем та, что может позволить себе даже простой горожанин, даже, как говорится, средней руки, однако, вид я имел такой плачевный, что никто и не додумался бы меня разглядывать.

– Мой отец тоже был рыбаком. – Решил я выдать крупицу правды. – А разве друзья и знакомые твоих родителей из рыболовецкого квартала не могут тебя приютить?

– У них не такие семьи как у меня... – Элия запнулась – как была у меня. У всех и так слишком много детей. – Тут её голос стал тише. – Взрослые об этом не говорят, но все знают, что, когда не хватает еды, родители избавляются от лишних ртов, продавая их туранцам. Мальчиков на галеры, а девочек в жёны.

Я не стал её поправлять и уточнять, что вряд ли девочек ожидала такая судьба, неверные могли стать только налож-

ницами, но ей сейчас этого было знать явно не к чему.

Мы продолжали идти, по пути нам изредка попадались горящие дома, вокруг которых суетились толпы людей, пытаюсь потушить пожар, каждый раз мне становилось не по себе от этого зрелища. Когда мы добрались до портового района, с неба уже зарядил проливной дождь, конечно, для горожан, чьи дома сейчас горели, это было благом, а вот для двух сирот, оставшихся одних в городе, только прибавило проблем.

Элия прижалась ко мне, ища тепла, хотя я и сам продрог. Я бросил взгляд на море, где всё еще виднелась имперская армада, многие корабли заходили в порт, который сейчас и так был переполнен. Золотой Орёл уже давно ушёл ко дну, вместе с остальными сгоревшими галеонами. Я повёл Элию к портовым складам. Обычно, товары, перед погрузкой на корабль, просто сваливали на пристани и выставляли охрану, здесь, в Ньюциттии, поступали ровно так же. Однако, для одного из своих главных портов, Империя не жалела денег, поэтому были возведены огромные склады, где хранились грузы, принадлежащие государству и короне, либо же, место могли выкупить особо богатые купцы или торговые дома. Понятное дело, что склады охранялись довольно строго, когда Элия поняла куда мы идём, она робко запротестовала.

– Адэр, но что будет если нас поймают? Может быть, не надо? – В её светло-серых глазах читался страх.

– Ничего, мы не полезем внутрь, стражники же охраняют то, что внутри, а не снаружи. – Уверенно ответил я, хотя и

сам был напуган перспективой повстречаться с охраной.

После непродолжительных блужданий, я, наконец, нашёл то, что искал. Обычный деревянный навес, а под ним, что было удачей, стог сена. Увидев это, даже Элия, всё время испуганно озиравшаяся по сторонам, не выдержала и сразу же попыталась зарыться в нём поглубже, я последовал за ней. Укрывшись так, чтобы нас не было видно, мы долго лежали, прижавшись друг к другу и пытаюсь согреться.

– Адэр, а что если нас найдут?

– Не найдут, если будешь вести себя тихо. К тому же, охранники в такой дождь не станут лишний раз выходить на улицу.

– Спасибо. – Произнесла она и снова прижалась лицом к моей груди.

Надо ли говорить, что в тот момент я чувствовал себя не достойным её благодарности, однако решил, что, хотя бы, помогу ей всем, чем смогу. Это была одна из самых страшных ошибок в моей жизни.

Вскоре, я понял, что так у нас не получится согреться.

– Элия, сиди тихо, никуда не уходи. – Произнёс я шёпотом.

– Адэр, куда ты? – В темноте мне не было видно выражения её лица, но готов был поспорить на что угодно, что в её глазах сейчас снова стоял страх. – Прошу, не бросай меня. Адэр, умоляю.

– Не бойся, я скоро вернусь. – Попытался я её успокоить.

– Ты обещаешь? Клянёшься?

– Обещаю. – Я снял с шеи медальон с локоном матери и надел на Элию. – Без этой вещи я никуда не уйду, так что пока она у тебя, я не могу не вернуться. Только обещай, что ты ни за что её не потеряешь.

– Конечно, клянусь. – Она крепко обхватила мой медальон обеими руками и прижала к груди. – Я буду хранить его, только возвращаясь.

Убедившись, что Элия прикрыта сеном так, что её не видно и вблизи, я вернулся в порт, надо было раздобыть еды. Конечно, всегда можно было продать серебряный медальон, но я даже не хотел об этом думать, это была единственная вещь, доставшаяся мне от матери. Однако и пустой желудок напоминал о себе, тем более начинало темнеть и была поздняя осень, шёл проливной дождь, а я в одной тонкой рубашке и босиком.

Ненадолго остановившись, я начал думать как могу применить свои немногочисленные умения, чтобы добыть еды. Отец обучил меня охотиться и рыбачить, да и живя на острове трудно было не наловчиться в последнем, начиная с самого малого возраста, рыбалка была главным развлечением у детей. Что ещё? Я умел читать, писать, считать, но какой в этом толк? Был обучен основам мореходства, так что запросто мог устроиться юнгой, но как это поможет мне добыть еды прямо сейчас?

Ответ пришёл в голову сам собой, притом, он был на-

столько очевиден, что я даже не понял, как не додумался до этого раньше. Я уверенно направился к пристани, мне, как будто, даже сделалось немного теплее. Я заметил пришвартованный военный галеон, он ничем не отличался от множества других, но мне это было только на руку. Дождь скрывал меня от посторонних, но я не пошёл к кораблю напрямую, а снова прыгнул в ледяную воду и поплыл, живя на острове, невольно становишься хорошим пловцом.

Доплыв в темноте до галеона, после нескольких бесплотных попыток, я смог зацепиться и вскарабкаться по одному из бортов, всё же на зря я лазил по вантам под командованием отца. Добравшись до оружейного порта, я с силой смог приоткрыть его и проникнуть на судно, точно так же, как совсем недавно бежал с Золотого Орла. Переведя дыхание, я начал прислушиваться к тому, что происходит на корабле, затем, осторожно стал продвигаться в сторону каюты капитана, стараясь издавать как меньше шума, совсем как на охоте. Так я пробирался к своей цели, избегая любых нежелательных встреч. Впрочем, судя по всему, большинство матросов сошло на берег и отмечало сегодняшнюю победу над двумя самыми опасными пиратами Внутреннего Моря. Оказавшись перед дверью, ведущей в каюту капитана, постояв немного, я осторожно приоткрыл её, на моё счастье внутри никого не было.

Я тут же бросился к сундукам и стоячим ящикам, в которых хранились личные запасы. В конце концов, мне улыбну-

лась удача и я нашёл большую лепёшку белого хлеба, сыр, немного орехов и засушенных фруктов. Более того, мне попался небольшой свёрток льняной ткани, развернув который, я обнаружил настоящий туранский лукум, это было невероятное везение.

Однако, теперь надо было думать, как со всем этим отсюда уйти, лезть с едой в морскую воду не стоило. Найдя среди вещей капитана небольшой отрез ткани, который, он, скорее всего, использовал как скатерть, я завернул в него свою добычу и засунул под рубашку, а свёрток со сладостями взял в руки. Я выбрал самый лёгкий путь, как покинуть галеон, а именно – просто выйти через палубу, как будто у меня были какие-то дела здесь. Собравшись с духом, я и покинул каюту, мне действительно везло, поскольку никто не повстречался, по крайней мере, пока не дошёл до трапа.

– А ну стоять! – Сзади мне на плечи легли две тяжёлые ладони. – Ты кто такой? Какого ты здесь забыл? – Мужчина развернул меня к себе, шёл дождь и было настолько темно, что я даже не смог бы сказать, стоит ли передо мной простой матрос или офицер, впрочем, сейчас это было не важно.

– Господин, прошу не надо. – Наигранно взмолился я. – Господин капитан сказал, что он будет только один.

– Что ты, Морской Дьявол тебя поберет, несёшь?! – Возмутился незнакомец.

– Господин капитан пообещал мне вкусные сладости, с орехами и мёдом, если я соглашусь пойти к нему на корабль.

– Ответил я плаксивым голосом и протянул ему в доказательство свёрток с лукумом.

Я был уже в том возрасте, когда понимал смысл некоторых слухов, ходивших о славном имперском флоте. Особенно про то, что случается во время самых продолжительных плаваний. Как Церковь, так и закон, на это дело смотрели, мягко говоря, крайне неодобрительно, сами моряки пытались о таком не распространяться, да и, чаще всего, предпочитали делать вид, что ничего не происходило. Однако, некоторые, наоборот, однажды изведав запретного, не могли остановиться, флотские всеми силами пытались скрывать такие случаи.

– Господин капитан говорил, что он будет только один. – Продолжал я плаксиво причитать. – Но если вы заплатите, то, так и быть, я согласен.

– А ну пошёл отсюда! Быстро! – Я почувствовал, что руки мужчины немного затряслись, теперь он развернул меня и сам начал подталкивать к трапу.

Я медленно спускался, всё время повторяя про себя: «Не беги, не беги». Пройдя мимо часовых, я всё же чуть ускорил ход, а затем услышал позади себя крик: «Стоять! Кто-нибудь, ловите мальчишку!». Мужчина наконец сообразил, что капитана сейчас вообще не было на корабле, но было уже поздно, я припустил со всех ног.

Добравшись до складов, янемного перевёл дыхание, а затем направился к, ставшему уже родным, стогу сена. Элию

обнаружил свернувшейся калачиком и всё так же крепко прижимающей обеими руками к груди мой медальон, пока меня не было она явно снова плакала.

– Адэр! Ты вернулся! Ты правда вернулся! – Сквозь слёзы обрадовалась она.

– Тише. Конечно я вернулся. Ты что, мне не верила? – Попытался я её успокоить.

– Верила, конечно верила. Я ни сколечко не сомневалась, что ты вернёшься. – Ответила Элия, конечно, это было не так, но я не стал её упрекать.

Вместо того достал свою добычу и мы, наконец, смогли поесть и согреться. Мы с жадностью запихивали еду себе в рот, а запивали всё это дождевой водой, которая стекала с навеса, достаточно было просто подставить ладошки, чтоб собрать её. Мы быстро наелись от пуза, и более того, ещё оставался запас.

А затем настала очередь лукума, живя в бедном рыбацком квартале, Элия явно никогда ничего такого не пробовала, более того, я сомневаюсь, что она вообще когда-то до этого ела сладости. Для нас обоих это был тяжёлый день, наполненный трагедиями, но сейчас мы просто наслаждались диковинным угощением.

– Адэр, что это? – Изумилась она, надкусив кусочек сладости. – Оно такое вкусное.

– Это лукум, его привозят из Турана. – Разъяснил я.

– Из Турана... – Протянула задумчиво Элия. – Ты столь-

ко всего знаешь, Адэр. – Тут, она, прожевав большой кусок лукума, схватила меня за руку обеими своими ладошками. – Спасибо тебе.

Тут она посмотрела мне прямо в глаза, и я впервые увидел её улыбку. Даже сидя в полутьме, холодной, дождливой ночью, в грязном стоге сена, я смотрел на то, как она широко и искренне улыбалась и мне было от этого тепло как от летнего солнца.

Глава 5 Церкви и разбойники

Несмотря на пережитые накануне потрясения, выспался я, на удивление, хорошо. Более того, можно было сказать, что в эту ночь, сон мой был куда спокойнее, чем за предыдущие несколько недель, что я провёл, пусть и в удобной кровати, но в заточении, постоянно беспокоясь о том, что будет дальше. Проснулся я незадолго до рассвета, наступающего в это время года довольно поздно. Что странно, сейчас даже события вчерашнего дня не особо омрачали мои мысли, возможно, потому что я старался больше думать о том, как нам быть дальше.

Элия лежала рядом и смотрела на меня, ночью девочка так и не отпустила мою руку, а проснулась гораздо раньше, всё же она была дочерью рыбака, и ранний подъём стал для неё чем-то привычным.

– Адэр, ты так долго спишь. – Произнесла она шёпотом, а затем усмехнулась.

Видимо, она тоже сейчас была в хорошем настроении.

– Ладно, пошли отсюда, пока нас никто не нашёл. – Я решил не развивать тему.

Несмотря на то, что осень на юге континента далеко не такая холодная, как в большей его части, но всё равно, временами и в Ньюциттии бывает довольно прохладно, особенно, если из одежды у тебя только лёгкая рубашка и штаны.

Побродив немного по портовому району, я, наконец, нашёл церквушку, куда в это время стекались люди к утренней молитве. Не то чтобы я был религиозен, меня больше привлекала возможность немного посидеть в тепле, Элия тоже не возражала. Мы сели в заднем ряду, подальше от прохода, там, где нас будет заметно меньше всего.

Я достал наши скромные запасы еды и принялся завтракать, когда предложил их своей спутнице, та посмотрела на меня неодобрительно, в этот момент она читала молитву вместе со всеми. Судя по всему, Элия была ревностной последовательницей Митры. Просто положив её часть завтрака рядом, я откинулся на скамейке и снова стал обдумывать, как нам быть дальше.

– Адэр, почему ты ведёшь себя, как какой-то... язычник?
– Шёпотом спросила она, чуть запнувшись на последнем слове, произнеса его с явным неодобрением.

– Прости, я как-то не привык молиться Митре.

– Что?! Нежели ты как какой-нибудь туранец или умбриец? – Её глаза расширились, как будто сейчас я признался в чём-то очень страшном.

– Чтобы ты знала, умбрийцы тоже поклоняются Митре, просто по-своему. – Люди вокруг начали оборачиваться, а некоторые и открыто высказывать неодобрение. – Ладно, тише ты, потом поговорим, видишь мы остальным мешаем.

Поняв, что и сама отвлеклась от молитвы, Элия ещё сильнее сжала перед собой руки и начала ещё быстрее зачитыв-

вать выученные наизусть слова, будто пытаюсь нагнать, то что пропустила из-за меня. Но когда служба закончилась, она, всё же, поела, хоть и боязливо оглядывалась по сторонам.

– Элия, ты можешь подождать меня здесь? – Спросил я. – Только никуда не уходи, кто бы и куда бы тебя не позвал. Обещаешь? – Она и так знала, что портовый район не лучшее место для детей, но напомнить об этом было не лишним.

– Конечно. – Ответила она. – Только, Адэр... – В её глазах стояла невысказанная просьба.

– Обещаю, вернусь. – Я снова снял с шеи свой медальон и надел на неё, это уже становилось нашей традицией.

– Но чем мне заняться, пока тебя не будет?

– Не знаю, ты же в церкви, помолись пока. – Сказал я, скорее в шутку, но Элия явно восприняла это всерьёз.

– Да, верно. – Она снова сложила ладошки перед собой в молитвенном жесте. – И изгнал Митра из града небесного всяк порок, и повелел всякому мужу не возносить хвалы идолам, а славить его. И одарил Митра детей своих семью добродетелями и семью дарами, кои славим мы в каждый день. В день первый тонанос, славим мы дары небесные и дожди, кои Митра земле дарит. В день второй фульгурус, славим мы гнев его, что защищает нас. В день третий викторус, славим мы победу жизни вечной над смертью. В день четвёртый дапалис, славим мы дары земли, коими Митра нас благословляет. В день пятый терминус, славим мы познание,

что Митра даровал нам, чтобы отличать добродетельное от порочного. В день шестой либертас, славим мы волю, что даровал нашим душам Митра. А в день седьмой феретриус, возносим мы хвалы Митре во славу его.

Я не был уверен, что это точно молитва, а не отрывок из Светлой Книги, а также не понимал, чем же седьмой день отличается от всех остальных, но свои замечание решил оставить при себе. В конце концов, так у Элии будет меньше шансов попасть в неприятности.

Выйдя из церкви, я снова направился в порт. Будь я один, то попытался бы устроиться юнгой не важно на какой корабль. Однако, я чувствовал ответственность за эту девочку, из-за меня она осталась круглой сиротой.

Жизнь начинала бурлить в одном из самых крупных портов Империи ещё задолго до рассвета, а затихала уже после заката. Более того, в Ньюциттии, где до сих пор запирали городские ворота на ночь, Портовые Ворота, обычно, оставались открытыми дольше всех. Из-за чего стражники, которым выпадало стоять на карауле в порту, были куда злее остальных, ведь им приходилось вставать раньше, а уходить с поста позже. Уже сейчас множество грузчиков гнули спины, заполняя торговые суда товарами. Сами же купцы стояли рядом группками и что-то обсуждали, иногда, привезённый товар обменивался прямо здесь, в порту, если негоциантам удавалось договориться о цене, его просто перетаскивали с одного корабля на другой. Рыбаки выгружали свой улов,

возвращались на военные суда матросы имперского флота после бессонной, но, судя по всему, весёлой ночи, сновали разносчики еды, посыльные, носильщики. Здесь можно было увидеть иноземцев из самых дальних уголков мира, даже пару раз мелькали длинные, окладистые бороды урманов и утончённые одеяния танаисцев, носивших замысловатые причёски. Однако, конечно же, чаще попадались умбрийцы и фризландцы.

Впрочем, сейчас меня интересовал только один определённый тип обитателей порта. Точнее, не то, чтобы таких людей можно было повстречать только лишь около пристаней, но в Ньюциттии, где именно портовый район являлся сердцем и душой города, их стоило искать именно здесь. Элия говорила, что «лишних» детей продают турнацам или оскурам, но, всё же, явно не всегда родители готовы так рисковать, особенно сейчас, когда Империя находится в шаге от войны с Султанатом. К тому же, даже мне, до сего момента, бывавшему в Ньюциттии редко и недолго, попадались на глаза беспризорники, кланчащие мелочь или просто шатающиеся по городу.

Да, приходя в порт, любой ребёнок рисковал попасть в рабство, а тех, кто лишился крова и родительской опеки, это касалось в первую очередь, но, всё же, место, где была сосредоточена вся жизнь города, не могло не притягивать их, как мотыльков, летящих на огонь. Вот и сейчас, мне попадались маленькие щуплые фигуры, всегда в рваной одежде, иногда,

как и я, босые, в других же случаях, на ногах они носили только намотанные куски ткани. Какие-то из них пытались предложить свои услуги в качестве посыльных, носильщиков или проводников, другие продавали что-то с рук, притом, судя по всему, вряд ли добытое честным путём, а третьи просто шатались без дела, точнее, пытались делать вид, что шатаются, но их собранные взгляды, внимательно изучающие прохожих, явно выдавали их намерения.

Я же, в свою очередь, старался наблюдать за ними, не сильно выдавая себя и держась в отдалении. После нескольких часов я заметил, что некоторые из мальчишек иногда отлучались чтобы встретиться с парнями постарше, которые иногда появлялись на пристани, получив что-то или просто выслушав сообщение, они снова удалялись. Таких я решил избегать в первую очередь, решив сосредоточиться на тех, кто, казалось, был предоставлен только себе.

– Господин, любое поручение! – Услышал я звонкий, бодрый голос позади себя. – Одна нога уже там, вторая тоже там, а потом здесь. Престо не подведёт Вас, доставлю всё что надо! Передам всё что захотите! Не успеете чихнуть, а я буду уже там. Бегаю туда-сюда. Здесь-там весь день. Только скажите, чего Вам надо. Не молчите, говорите. Ведь если не скажите, то простою здесь до самого дня Святого Гарония.

Весь этот поток слов мальчишка выпалил как из пушки. Многие жалуются на то, что южан сложно понять из-за того, что те слишком быстро и много говорят, так вот этот малец

превосходил любого из них. Невысокий, смуглый темноволосый, как и большинство нюциттийцев, в простой драной рубаше, больших, не по размеру, штанах и, что удивительно, пусть и потрёпанных, но сандалиях. Казалось, что сейчас под ним не серые камни мостовой, а раскалённые угли, потому что он с трудом мог устоять на месте, как будто выплясывая какой-то причудливый танец.

Впрочем, взаимопониманию мальчика и его собеседника, в первую очередь, мешала не излишняя торопливость первого, а простое незнание языка. Большинство купцов, худо-бедно могли изъясняться по-таролокийски, однако, бывали и исключения, как, например, сейчас. Конечно же, мальчишка-посыльный, в свою очередь, не понимал умбрийского, на котором разговаривал иноземец, явно намеревавшийся поискать кого-то другого, кто готов выполнить его поручение.

– Господин желает, чтобы его послание было доставлено купцу Монтеальба, что живёт на улице святого Луция. – Перевёл я услышанное ранее. – Это всё Ваше поручение, господин? – Спросил я иноземца уже по-умбрийски, тот продолжил объяснять, а я пересказывал всё посыльному. – Ответ должен быть доставлен в корчму Гусыня и Щит, где господин изволит обедать, за расторопность будет доплата.

Получив записку и медную монету, в качестве задатка, мальчишка рванул со всех ног, бегал он действительно быстро. Я же остался ждать на пристани. Солнце уже входило в

зенит, когда вернулся мой новый знакомец, хотя, надо признать, заняло это у него действительно немного времени, особенно, если учесть размеры города.

– О, это ты! – Заприметил он меня ещё издалека. – Спасибо что помог. И чего это им вздумалось по-своему разговаривать? Чего по-человечьи не умеют? А тебя как, вообще, звать? Ты только умборский знаешь или ещё какие наречия? Меня, кстати, Престо звать, потому что я самый скорый тут. Надо чего предать или доставить, так это к Престо, а не к этим, которые на каморру или Манчини. – Престо снова тараторил без остановки.

– Адэр. – Представился я, выгадав момент в бесконечном потоке его слов.

– Чего? – Не понял он.

– Ты спрашивал, как меня зовут, так вот, моё имя Адэр. – Повторил я.

– Это что за имя такое? – Удивился мальчишка-посыльный.

– Имя как имя, не хуже, чем Престо. – Буркнул я в ответ.

– Так это и не имя, имени у меня нет. – Весело произнёс Престо.

– Как это нет? Разве не всем дают имя при рождении?

– Всем дают, а мне не дали. Родителям не до этого было, они меня и церковь то, к священнику на благословление не носили, нас и так в семье слишком много было. А когда совсем туго стало, отец повёз меня в город, да и оставил на

пристани, неподалёку отсюда. Тут меня Ринкон и подобрал.
– Всё это Престо произнёс на одном дыхании.

Похоже, отец пытался продать его работоторговцам или пиратам, но не хватило духу, поэтому просто бросил его здесь.

– А что за Ринкон? – Спросил я.

– Какой Ринкон? – Он попытался сделать вид, что не называл никакого Ринкона, совсем неправдоподобно.

– Ты говорил про какого-то Ринкона.

– Ничего я не говорил ни про какого Ринкона. – Продолжал он упорствовать.

– Ну ладно, не говорил, так не говорил. – Согласился я.

Помолчав, я достал свёрток с последним небольшим кусочком лукама. Большую часть я оставил Элии, однако немного прихватил и с собой, как раз на такой случай. Отломив немного, я положил кусочек заморской сладости в рот и, с преувеличенным удовольствием на лице, начал медленно прожёвывать. Конечно же, Престо с завистью следил за каждым моим движением, не отрывая глаз, было видно, что ещё немного и он подавиться слюной.

– Хочешь? – Протянул я ему кусок ткани, в котором лежало угощение.

– А можно? – Спросил он, занеся уже руку чтобы принять подарок, но остановился. – Что ты хочешь взамен? – Всё же, он не выжил бы здесь, если бы не был предельно осторожен, особенно тогда, когда с ним добры.

– Да так, ничего. Просто побеседуем, расскажешь мне тут

что да как. Ты же, наверное, всё тут знаешь? – Добавил я ещё и лести к угощению.

– Это так. – Самодовольно улыбнулся он, а затем, приняв, наконец, от меня лукум, начал с удовольствием его уплетать. – Только время сейчас к обеду, так что не могу я тут с тобой долго болтать. – Важно заявил Престо, я уже готов был проклясть себя за то, что потратил угощение на этого пройдоху, когда, оказалось, что всё сложилось куда лучше, чем задумывал. – Поэтому поговорим по дороге к нашим, ты не против?

– Ладно, так уж и быть. – Попытался я не выдавать своей неожиданной радости и последовал за ним.

– Так чего ты знать хотел? Я много чего рассказать могу. Например, стражник Паоло, что на Портовых стоит, сам вызвался, а ведь там никто не хочет караул нести, говорят, это потому что дома не хочет бывать, жена его заедает как вши умбрийских крестьян. Он и после службы идёт к трактирщику Луиджи и допоздна сидит. Луиджи тоже свою не особо жалует, сам ходит к девке Бити, что обычно на перекрёстке святого Луки и святого Матео клиентов себе ищет, там вообще многие из ихних ошиваются, которые под Манчини ходят. – Снова затараторил Престо, вываливая на меня гору совершенно ненужным знаний.

Впрочем, кое-что из сказанного, меня действительно заинтересовало.

– Подожди-подожди, давай по порядку. Хорошо? – При-

остановил я его селевой поток слов. — Кто такой Манчини?

— Как, кто такой Манчини? Манчини это Манчини. — Искренне удивился мальчишка-посыльный. — Все знают Манчини.

— Я не местный.

— Так что, это повод не знать Манчини? — Престо посмотрел на меня немного надменно, как на деревенщину, недавно перебравшегося в город и не имеющего представления о том, что для местных казалось само собой разумеющимся. — Так вот, Манчини — это главный в Братстве Воров.

— Братстве? — Переспросил я. — Не думал, что воры объединяются, да ещё и в братства. — Мне тут же в голове представилось нечто вроде иерархии у пиратов, похоже, этот самый Манчини был кем-то вроде адмирала.

— А почему бы им не называться братством? Название как название, ничем не хуже других. — Заметил Престо. — А как прикажешь им называться? Может гильдией или цехом? Так они башмаков не шьют, лодок не строят, муки не молят. Хотя, говорят, это не господин Манчини так своих обозвал, а прицепилось из-за Святого Братства, вроде как, они тоже самое делают, только наоборот, поэтому и прозвали их Братством Воров.

Об обычаях горожан собирать, так называемое, Святое Братство, было известно всем, даже мне, почти не имевшему представления о городской жизни. Началось это несколько десятилетий назад в Кардолузии, когда жители одного за-

худалого городка устали от того, что войска местного сеньора не могут защитить никого от разбойников на дорогах, поэтому, недолго думая, сами сбились в дружину и прошлись по округе, прихватив с собой что потяжелее, тем самым надолго избавив окрестности от всякого лихого люда. Местному феодалу так понравилось то, что ему для избавления своих же земель от разбойников не пришлось делать совершенно ничего, что он, недолго думая, учредил Santa Hermandad или Святое Братство, содержание которого, ложилось, опять же на самих горожан. Новую идею очень быстро подхватили по всей Кардолузии, а со временем, отряды Эрмандады начали появляться и городах Таролокии, единственным исключением была столица, обеспечивавшая охрану порядка из казны. Впрочем, со временем, святые братья начали и сами доставлять проблем горожанам, некоторые даже поговаривали, что те ничем не лучше разбойников, но не то чтобы всерьёз, всё же с Эрманадаой предпочитали мириться как с меньшим злом, никто не хотел возвращения лихих времён.

С другой стороны, судя по рассказам Престо, в Ньюциттии лихие времена никогда и не проходили, не спасали ни Святое Братство, ни стража, ни даже Легион. Хотя, страшно представить, что творилось бы в городе, не будь их здесь.

– Но ты говоришь, что Братство Манчини не единственное. – Продолжал я выпрашивать осведомлённого мальчугана.

– Конечно, есть ещё каморра, они из ремесленных квар-

талов, даже не скажешь кто у них главный, ходят в таких коротких жилетах, всё время с ножами. Есть бывшие наёмники и солдаты, тех бандами называют, прямо как на войне, много их, всех даже не назову. – Престо и не думал останавливаться, а я уже немного начал путаться, похоже, во всём Внутреннем Море не наберётся столько пиратов, сколько головорезов, воров и всякого прочего сброда, обитало в одном этом городе. – Оскуры, что в своём квартале за городом живут, тоже какие-то делишки проворачивают, но к ним никто не лезет, как и к фараамцам, но те вообще всегда ото всех особняком, понятное дело. – Тут мой собеседник ненадолго замолчал, что было для него не свойственно, и задумался, видимо, припоминая не забыл ли он назвать кого-нибудь ещё. – Ну есть ещё в городе всякие мелкие шайки.

– Надо же, а по виду ты казался простым посыльным. – Удивился я познаниям Престо об этой стороне жизни города.

– Да нет, брось. – Засмушался он, хотя было видно, что ему приятно было это услышать. – В Ньюциттии все об этом знают, а кто не знает, тот явно неместный.

Престо ненадолго замолчал, и оглядевшись по сторонам продолжил, только уже чуть тише.

– Ещё, говорят, про Короля Воров. – Произнёс он то ли со страхом, то ли с почтением.

– У воров ещё и король есть? – Удивился я.

– Ну как король, скорее, глава Братства Вичиозы, не знаю

что это значит, не спрашивай меня.

Я же, немного зная кардолузийский, подумал, что это искажённое *visioso*, то есть выходило Порочное Братство, но не стал перебивать Престо.

– Говорят, это ещё одна банда, только туда не берут кого попало, они, вроде как, следят за тем, чтобы все друг друга не перерезали, поэтому и главного их называют королём, а на самом деле, зовут его – тут мальчик сделал паузу, для пущего эффекта – Эль Хурон.

– Хорёк? – Не выдержав, рассмеялся я. – Главного среди всего лихого люда Нюциттии зовут Хорьком?

– Вот-вот, все так смеются. – Слегка обиделся мой собеседник. – А вот когда Эль Хурон вынырнет из-под земли, чтобы тебя сцапать, за то, что как честный вор не жертвуешь положенную десятину Церкви, будет уже не до смеха. – Немного помолчав, он продолжил уже обычным бодрым голосом. – Правда, Ринкон говорит, что всё это враки и сказки, которыми главари запугивают самых молодых и дерзких.

– Ну а ты сам к кому принадлежишь? – Спросил я его наконец о том, что, на самом деле, интересовало больше всего.

– Принадлежу? Да не то чтобы принадлежу. Мы скорее, это, просто живём, все вместе. – Престо будто бы смутился.

– И как же вы называетесь?

– Ну не то чтобы у нас было название, скорее, это все остальные нас так прозвали, такие как этот Маниферро, но между собой мы такого не говорим.

– Так всё же ты скажешь мне? – Настаивал я.

– Портовые Крысы. – Произнёс Престо, опустив голову. – Только Ринкону не говори, что я тебе это рассказал.

– Он у вас главный?

– Скорее, просто старший, да и сам он всегда отнекивается, когда его главным называют. Хотя, ты сам сейчас всё увидишь.

На удивление, мы не так далеко отделились от порта, только прошли через ворота, и спустились к набережной местной речки Пулито, мелкой, грязной и вонючей, затем, направившись вверх по течению, достигли моста. Хотя, с другой стороны, разумно было предположить, что если их шайку прозвали Портовыми Крысами, то и жить они должны были где-то в портовом районе. Совсем неподалёку отсюда была и церковь, где я велел оставаться Элии.

Мы с Престо перешли на другой берег, я начал осматриваться вокруг, прикидывая где могла бы найти себе убежище шайка беспризорников. Однако, тут мой провожатый, удивил меня, направившись к ступеням, ведущим с каменной набережной, прямо к грязному берегу реки. Затем, повернув налево, он прошёл под самое основание моста. Я не мог взять в толк, что он здесь ищет.

– Давай за мной. – Позвал Престо, пролез прямо сквозь росшие у самой стены кусты и исчез.

Последовав за посыльным, я раздвинул заросли и обнаружил, что скрывают они не голую стену, а небольшой тёмный

проход, узкий и низкий, взрослому человеку пришлось бы идти по нему согнувшись. Сам лаз был не то чтобы длинный, но пробираться приходилось в полной темноте, притом под небольшим наклоном проход спускался вниз, оставалось только гадать как это место не затопливает во время половодья или в сильные дожди. Впереди, за худой спиной Престо, виднелся тусклый свет. Наконец мы оказались относительно просторном помещении, плохо освещённом единственным слабым костром, вокруг которого сидели неясные тени, которые начали оборачиваться на звук.

– Кто там? – Спросил самый крупный и высокий из тех, что сидели вокруг огня.

– Это я, это я, Престо. – Отозвался мой спутник. – Только я не один, я тут...

– Кого ты там ещё привёл?! – Возмутился собеседник, судя по голосу, который ещё не начал ломаться, он был моим ровесником или чуть старше. – Damn! Престо, я сколько раз тебе говорил?!

– Да он нормальный, он вообще не отсюда, ни с кем не связан, честное слово. – Начал плаксиво оправдываться мальчишка-посыльный.

Тем временем, мои глаза уже свыклись с тусклым освещением, так что удалось разглядеть где же я нахожусь и что за люди передо мной. А обитали Портовые Крысы, немного-немало, в самом настоящем храме, правда уже давно заброшенном, а если точнее, то уже более тысячи лет.

Хоть я мало что знал о религии, но даже мне было известно, что культ Митры изначально находился под запретом в Первой Республике и, поначалу, в Первой Империи, так что верующим приходилось поклоняться солнцеликому богу под землей. В Ньюиттии, возникшей на месте, где ещё в древние времена добывали строительный камень туф, славящийся своей податливостью и где, по сути, подземелья появились ещё до того, как возник сам город, это получило особенно широкое распространение. Со временем, когда перестали преследовать почитателей Митры, те начали строить свои церкви и храмы уже на поверхности, а тайные места поклонения пришли в запустение.

Сейчас сводчатый потолок, на котором ещё виднелись остатки фресок, был безнадежно покрыт копотью, притом, судя по всему, беспризорники были далеко не первыми, кто находил здесь пристанище за многие века пока что это место пустовало. Каменный пол был во многих местах устлан соломой, а кое-где валялись и свёртки ткани, похоже, спали Крысы прямо здесь же. Но сейчас все они сидели вокруг костра, было их около десятка, все моего возраста или младше. Грязные, щуплые, оборванные, было заметно, что из-за скудного питания, многие ещё и были довольно низкорослыми для своих лет.

– Это что ещё за *mentula*? – Ко мне подошёл, судя по всему, тот самый Ринкон, бывший здесь за главаря. Выглядел он лет на одиннадцать-двенадцать, однако ростом не выше

меня. – Ты кто такой, fellator? – Рикон с вызовом посмотрел прямо мне в глаза.

Я не стал задираться из-за обидного слова, сейчас явно было не до этого, но и показывать себя слабаком было нельзя.

– Я просто ищу место, где бы переночевать, не под открытым небом. – Решил я не нарываться и дал честный ответ, по крайней мере, сейчас это было для меня главной задачей.

– Просто ищет он. – Рикон подошёл ко мне ещё ближе. – Тут всякий veгра что-то ищет. Что, думаешь, просто заявился и мы тут тебе рады будем? Futuo in culus.

– Рикон, он полезный, он мне помог сегодня, когда я с иноземцем не мог поговорить, а Адэр, как раз, рядом крутился. – Вступился за меня Престо.

– Значит рядом крутился? Как удачно, да? – Главарь приблизился ко мне уже вплотную, настолько, что я чувствовал его дыхание, он всё не переставал с вызовом смотреть мне в глаза, ситуация накалялась.

Конечно же, несмотря на то, что он был чуть старше меня, я всё ещё превосходил его в размерах. К тому же, я всё детство провёл среди пиратов, которые происходили из разных народов, и временами обучали меня всяческим приёмам, которые помогают в борьбе без оружия. Особо много я набрался от Мосия, который показывал мне различные способы того, как повалить противника на землю.

Однако и у Рикона было одно неоспоримое преимуще-

ство, которое перевешивало всё – он был способен убить, а я нет. Это в душеспасительных, трогательных историях, что рассказывают на праздник Нисхождения, сиротки – милые, продрогшие от холода, робкие существа, только и надеющиеся на Митру, и ждущие, когда же добродетельная, благочестивая семья, заберёт их с улицы, ну или же покорно принимающие свою смерть и, за страдания, получающие место на том свете поближе к Солнечному Престолу. На деле же всё совершенно не так, может изредка и встречались такие кроткие дети, как бывают в поучительных историях, однако на улицах города они явно долго не выживали. Те что помладше, такие как Престо, ещё, отчасти, сохраняли детскую невинность, но такие, что дожили до моего возраста, уже ни во что не верили, надеялись только на себя, а страдания предпочитали причинять другим, чем сами покорно сносить хоть их. К девяти-десяти годам, повадками бездомные дети уже больше начинали походить на зверей, была в их глазах какая-то первобытная дикость, никакая жестокость не пугала их. А ещё таких людей отличала невероятная воля к жизни, так что, если я сейчас повалю Ринкона и, даже если поколочу его, он всё равно не сдастся, пока не отделает меня, пусть если у него к тому моменту будут переломаны все кости в теле. И это ещё в том случае, если мне дадут это сделать, у костра сидело ещё человек пять моих ровесников, которые, скорее всего, только и ждут, чтобы наброситься на чужака. Удивительно, но в тот момент я больше беспокоился

о том, что будет с Элией, если я не вернусь. Ринкон вынул из-за пазухи короткий нож, совсем дешёвый, такой, какие крестьяне использовали в быту.

– Говори, кто тебя подослал. – Приказал мне главарь.

– Ринкон, он... – Снова попытался заступиться Престо.

– Молчи, ты же знаешь, что нам нельзя так рисковать. – Перебил его старший мальчик. – Или ты захотел на туранские галеры.

– Да кто меня мог подослать? Я даже не местный. – Попытался защититься я.

– Ага, заметно что не местный, разговариваешь как чуждик. – Согласился Ринкон. – Значит ты, *mentula*, и приплыл с кем-то из работоторговцев, на их корабле, а они послали тебя выследить новый товар. Верно?

– Послушай, мы с сестрой вчера лишились дома и родителей. Разве туранцы, или кто ещё, стали бы подсылать кого-то вместе с девчонкой? – Немного приврал я.

– Сестрой? Какой ещё, *in culus*, сестрой? Что-то я не вижу никакой сестры. – Издевательски произнёс главарь шайки. – У тебя, от страха мозги помутились?

– Это правда, она неподалёку, я могу её привести, показать.

– Ну конечно, ты думаешь я отпущу тебя, чтобы ты всё рассказал своим?

– Тогда пошли со мной. – Предложил я.

Ринкон задумался, он долго стоял, пристально смотря мне

в глаза.

– Ладно, но, если я хоть что-нибудь заподозрю, этот нож окажется у тебя в кишках, fellator. – Пригрозил он мне, а затем обратился к остальным. – Если первым сюда войдёт кто-то кроме меня, вы знаете что делать.

Вскоре мы с Ринконом уже направлялись к знакомой церкви, он шёл где-то на полшага позади меня. Хоть мальчишка и повесил нож обратно на тряпичный пояс, но мне всё равно чудилось, что остриё упирается где-то между лопаток. Оставалось только надеется, что Элия смекнёт в чём дело, когда я обращусь к ней как к сестре.

Однако, на деле всё вышло иначе, когда мы уже подходили к дверям божьего дома, те распахнулись и из них вышла Элия в сопровождении мужчины средних лет, судя по виду дворянина или богатого купца. На лице у него играла примерзенькая масляная улыбка, от одного его вида мне сделалось не по себе. Он положил руку на спину Элии, и куда-то её направлял, та растерянно оглядывалась на него.

– Damno! – негромко выругался я.

– В чём дело, это твоя сестра? – Тревожно спросил у меня шёпотом Ринкон.

– Да, я сказал ей ни с кем не разговаривать, а она...

– Cretino. – Я даже не обиделся на оскорбление, Ринкон был прав. – Ну что делать будем.

Я оглянулся по сторонам, спешно пытаюсь найти выход из ситуации.

– Жди здесь и приготовься бежать. – Бросил я своему нежеланному спутнику.

Приметив на мостовой камень подходящего размера, который можно было легко вынуть, я подобрал его и побежал за удаляющимся с Элией мужчиной, держа свою находку в руке прямо перед собой.

– Господин! Господин! – Кричал я. – Вы обрели кошелёк!

Тот, обернувшись, и заметив, что я действительно что-то несу в руке, поначалу немного растерялся, но затем его рука метнулась к поясу, где он нащупал свой кошелёк в привычном месте.

– Что... – Ещё больше растерялся он, не понимая, что к чему.

– Вот. – Произнёс я и метнул с нескольких шагов камень ему прямо в лицо.

Похититель Элии взревел как бык, схватившись за рот, судя по всему, я выбил ему несколько передних зубов, по крайней мере, избавив мир от его мерзкой улыбки.

– Бежим! – Я схватил девочку за руку, она не стала сопротивляться.

Рикон уже был наготове, когда мы с ним поравнялись, он тоже припустил со всех ног. Бег босиком по каменной мостовой – не самое приятное занятие, однако страх придавал нам сил, так что уже вскоре мы оказались под всё тем же мостом над речкой Пулито.

– Адэр... зачем?... – спросила Элия, пытаясь отдышаться.

– Сама поймёшь... когда-нибудь... – Ответил я, так же тяжело дыша, может это было и неправильно, но мне, почему-то, не хотелось лишать её невинного взгляда на мир. – Я же сказал тебе, ни с кем не разговаривать кроме меня. Почему ты послушалась? – Спросил я когда восстановил дыхание.

– Я хотела поставить свечку за упокой папы и мамы, но денег у меня не было. Это услышал тот господин, он заплатил, а ещё пожалел меня и сказал, что поможет, только не здесь... – По мере своего рассказа, Элия всхлипывать, упоминание о родителях не прошло даром.

– Ну ладно, ладно, всё. – Я, смутившись от того, что заставил её вспомнить то, чего она не хотела, приобнял и начал поглаживать её по волосам. – Ну всё, можешь не рассказывать.

– Если это твоя сестра, то я монашка из монастыря Босоной Корнелии. – Заметил Ринкон. – Вы совершенно не похожи.

– Мы... от разных матерей. – Попытался сочинить я новую ложь на ходу.

– Адэр, что ты такое говоришь? – Возмутилась Элия, так и не понявшая всей ситуации. Похоже, тот господин из церкви спас меня от ножа в спину.

Я выжидающе посмотрел на Ринкона, тот стоял, скрестив руки на груди и так же смотрел на меня ответ, а затем внезапно громко рассмеялся во всё горло.

– Ну ладно, мне, в общем-то, всё равно. – Произнёс главарь шайки, просмеявшись.

– Правда? – Удивился я, там, в подземелье, он не показался мне таким добросердечным.

– Да, главное, что тебя не подослали работорговцы, они не стали бы устраивать такое представление, как в большой праздник на главной площади. – Произнёс он всё так же улыбаясь. – Можете пожить у нас.

– Спасибо. – Поблагодарил я.

Теперь я при дневном свете, наконец, смог разглядеть Ринкона. Он действительно был чуть старше меня, несмотря южный говор, его внешность немного отличалась от местных. Чуть светлее, с правильными чертами лица и завивающимися в мелкие кудри чёрными волосами, он немного напоминал жителей островов Энейского архипелага, одним из которых был и Корну, пусть и находившийся в отдалении от основного скопления. Однако, сейчас меня больше заинтересовало другое.

– Слушай, там внизу, ты ругался как пьяный моряк, но не здесь. – Заметил я.

– Да, ты прав, это так. – согласился Ринкон, дав ответ, который ничего не разъяснил.

Глава 6 Ринкон

– Спасибо. – произнёс я, когда мои новые товарищи предложили разделить с ними трапезу.

На обед у Портовых Крыс был хлеб, не самый свежий, и колбаса. Всё это разогревали на костре, держа прямо в руках, притом, судя по тому как оживились остальные ребята, для них это был настоящий пир. Я довольствовался только небольшим ломтем лепёшки и совсем крохотным кусочком колбасы, всё же, мне было неловко, однако я не мог не взять протянутую мне Ринконом еду, даже здесь, в этом далеко не самом благородном обществе, отказаться от искренне предложенной пищи, означало бы оскорбить моих, так сказать, сотрапезников. Элия тоже ела немного, не знаю, думала ли она о том же, или же просто ещё была сыта после завтрака.

После обеда дети снова начали разбредаться по своим делам, первым, конечно же, к выходу устремился Престо. Около костерка остались только мы с Элией, ещё четверо малышей лет шести, один парнишка, выглядевший совсем щедро, и, как ни странно, Ринкон. Главарь шайки бережно подобрал оставшийся хлеб и убрал его в отрез парусины, который затем как мешок привязал к верёвке, свисавшей с потолка.

– От крыс. – Пояснил он, заметив мой взгляд. Элия поёжилась при этих словах, да и мне стало не по себе. – Новень-

кий, сможешь мне воды натаскать. – Обернулся он ко мне, я бросил быстрый взгляд на Элию. – Да не бойся, не случится ничего с твоей «сестрой». Всё равно тут кроме мелких, только Роза и осталась.

– Роза? – Переспросил я, только тут поняв, что щуплый парень у костра, был совсем не парнем.

Впрочем, по виду Розы, облачённой в бесформенные обноски, со спутанными волосами неясного цвета, вообще было сложно что-то понять. Она же, в свою очередь, даже не обратила на нас внимания, несмотря на то, что разговаривали мы о ней, продолжая отрешённо смотреть на огонь.

Ринкон подойдя к нише в стене, когда-то давно служившей алтарём, взял оттуда дешёвый оловянный масляный светильник. Однако, по тому как осторожно он поджигал фитиль от костра, я понял, что здесь этот предмет является большей ценностью.

– Пошли. – Позвал меня Ринкон, я последовал.

Напоследок заметив, что Элия бросила мне вслед немного обеспокоенный взгляд, но возражать не стала. Медальон, в этот раз, я ей оставлять не стал, лучше его вообще было не показывать остальным лишний раз.

Подобрав три старых деревянных ведра, стоявших у стены, мы выдвинулись в путь. Поначалу я недоумевал зачем Ринкону светильник, если мы идём за водой, однако, когда он направился в противоположную от выхода сторону, я понял, что мы явно направляемся не к колодцу или реке. Бла-

годаря тусклому свету, я смог разглядеть зияющий темнотой проход, ведущий в неизвестные мне недра.

Похоже, Портовые Крысы жили у одного из входов в знаменитые подземелья Ньюциттии, о которых до этого мне приходилось только слышать. Запутанная сеть переплетённых древних штолен, катакомб, тоннелей и проходов неясного назначения. Говорили, что здесь сгинуло немало отчаянных голов, заблудившись в поисках некого древнего сокровища, которое, якобы, было спрятано ещё до основания города. Так или иначе, спускаться сюда действительно не стоило без человека, хорошо ориентирующегося в запутанных тёмных переходах. Да и то, даже те, кто пользовался этими подземельями, могли запомнить только лишь, относительно, малую их часть, есть сравнивать с общим масштабом.

Мерцающий слабый свет от оловянного светильника Ринкона выявил множественные ниши вдоль стен, многие из них были пусты, хотя кое-где можно было заметить одинокую кость или часть человеческого черепа.

– Древние захоронения. – Пояснил мой новый приятель.
– Мелкие боятся сюда заходить, что к лучшему, дальше заблудиться проще простого. Ты, надеюсь, не из пугливых?

– Не дождёшься. – Ответил я, при этом пытаюсь не выдать, что мне, всё же, было немного жутковато. – Элии, пока, не рассказывай.

– Ладно. – Согласился Ринкон. – Кстати, осторожнее, тут желоб в полу, не споткнись.

Я кивнул, всё же, строители древности всё продумали так, чтобы храм не затопило, если поднимется уровень воды или начнутся ливни. Возможно, здесь была предусмотрена и какая-то вентиляция, поскольку из-за костра ещё никто не задохнулся. Впрочем, сейчас я задумывался над этим в последнюю очередь.

– Хорошо, что ты покрепче остальных, можешь два ведра унести. – Заметил Ринкон, когда мы углубились в катакомбы. – Раньше мне приходилось делать по три ходки, всё же без света тут не пошастаешь.

– Так стащили бы бочку и поставили у себя, можно надолго воды натащить. – В том, что большинство вещей в убежище Крыс ворованные, у меня сомнений не было.

– Надо же какой умный нашёлся. А как ты её вниз спустишь? У нас там, если ты заметил, не Столичные Ворота. – В этом он был прав, однако, насчёт воровства ничего так и не возразил.

– Так чем ты тут занимаешься, ну кроме того, что таскаешь воду? – Попытался вывести я у него.

– Обычно, хожу на площадь или в порт, там можно наняться в посыльные или в носильщики, если возьмут. Остальные, почти тем же промышляют, только в носильщики их не берут, мелкие ещё. Кто-то таскает по-мелочи что-нибудь у лавочников, в основном еду, но я их, обычно, за такое гоняю, оно того не стоит, чтобы за лепёшку под плети пойти или что ещё похуже. Правда, когда уж совсем в киш-

ках пусто несколько дней, то и за морковку в драку полезешь. – Признал он погрустнев. – Другое дело – это иноземцы, если что-то собираешься умыкнуть, то лучше не у местных. Обычно, сюда приезжают по делам и надолго не останавливаются, а значит, скорее всего и к страже не пойдут.

– Значит, ваши ещё и занимаются тем, что срезают кошельки? – Спросил я.

– Эй, даже не думай об этом! – Ринкон резко остановился и серьёзно посмотрел мне в глаза. – Все цирюльники под каморрой или Манчини ходят.

– Цирюльники? – Переспросил я.

– Да, так их называют, вроде как срезают лишнее. – Подтвердил мой собеседник. – Но только работа эта требующая ловкости, да и, как уже сказал, если сунешься в это дело без разрешения, то за тобой быстро придут.

– Так что же тогда можно красть? – Удивился я.

– Одежду, в основном, платки. Да и то, такое случается не часто, это надо пробраться в таверну, следить за теми, кто выпьет лишнего и, если повезёт, он может что-нибудь забыть на столе.

– А может и не забыть. – Поддразнил я Ринкона.

– Может и не забыть, – согласился он – тогда весь вечер впустую. А иногда и везёт, недавно я вызвался доставить багаж для одного умбрийца, тогда удалось у него стащить две рубашки. – Не без гордости сообщил собеседник.

– Правда? – Удивился я. – Что-то не похоже. – Рубашка

самого Ринкона выглядела так, будто была его ровесницей, а может и старше.

– Ты что, думаешь мы себе всё это оставляем? Продаём, конечно, я вот всё ношу старику Ави из фараанского квартала, он даёт самую справедливую цену, по сравнению со остальными. – Судя по тону, «справедливой» цена было только в сравнении с тем, что могли предложить другие скупщики.

– Фараанин? Справедливую? – Переспросил я, этот народ был не из тех, кого принято было обвинять в излишней щедрости, скорее наоборот.

– Конечно, старик умнее остальных, он знает, что если попытается меня обмануть, то в следующий раз я к нему не приду, плохо будет если их всех выселят, доходили такие слухи до меня. Местные уже так не заплатят, а рисковать попасть на плавучие доски ради пары медяков, оно того не стоит. – Помолчав он добавил. – А ещё, если поймают с краденным, то сразу высекут, а уж потом будут разбираться что да как.

Исходя из всего рассказанного предводителем Крыс, выходила довольно мрачная картина. Хотя, не то чтобы я ожидал чего-то другого, но после того, как мне без проблем удалось, в первый же день своего бродяжничества, обокрасть имперский военный галеон, мне казалось, что на воровстве можно, если не разбогатеть, но, хотя бы, прожить. Однако, если верить Ринкону, сулило это занятие больше проблем,

чем благ.

– Хотя, иногда и удаётся неплохо разжиться, если пробраться на склад или ещё куда. – Видимо, мой собеседник догадался о чём я подумал. – Так нам удалось унести неплохой кусок парусины, наши его теперь как одеяла используют. Но обычно мы хватаем еду и по-быстрому сматываемся.

– Склады? Серьёзно? Кто-то только что говорил, что лучше иной раз не рисковать. – Заметил я.

– Так мы и не лазим туда, где хранятся дорогие товары, которые лучше охраняются.

Катакомбы уже давно закончились и теперь нас окружали глухие стены, в тусклом свете казавшиеся чёрными, иногда в них виднелись ответвления, а порой встречались и настоящие перекрёстки. Мы уже несколько раз успели повернуть, пожалуй, в одиночку я здесь бы очень быстро запутался. Сам по себе, проход был довольно узкий, так что нам приходилось идти друг за другом. А затем, внезапно, мы с Ринконом вышли в просторный тоннель, ну или, по крайней мере он казался таким после тесноты. Хотя, в любом случае, он был настолько большой, что здесь без проблем могла проехать запряжённая повозка.

– Что б меня! – Поразился я. – Для чего вообще тут этот императорский тракт?

– Да кто б его знал. – Ответил Ринкон. – Ну, точнее не знаю для чего его построили, но сейчас... – тут собеседник замолчал и осмотрел меня с ног до головы. – Слушай, сколь-

ко тебе вообще лет? – Внезапно спросил он.

– Десять. – Честно ответил я.

Главарь кивнул, что-то прикинув в уме, мне же это говорило о том, что, по крайней мере до десяти он умел считать.

– Ты выглядишь крепким, есть одно дельце, надо будет прийти сюда ночью, сам всё увидишь. – Не стал он раскрывать подробностей.

– Ладно, надеюсь оно того стоит. – Согласился я, хотя всё ещё немного сомневался. – А тебе самому сколько?

– Двенадцать. – Ответил он, моя первая догадка о его возрасте оказалась верна. А ещё, он не только знал когда родился, но и умел считать до дюжины, что, подозреваю, было редкостью среди Портовых Крыс.

Мы снова нырнули в один из проходов, только теперь уже с противоположной стороны.

– Ринкон, могу я тебя спросить кое о чём?

– Ну давай, смотря о чём. – Настороженно ответил он.

– Давно ты стал... – я немного замялся, не зная какое слово лучше подобрать – жить здесь?

– Где здесь? – Только и усмехнулся он. – Так и спрашивай прямо, давно ли я стал бродяжничать? Два года назад, мне тогда тоже было десять. – Ринкон замолчал, я уже решил, что больше он мне ничего не расскажет, когда тот продолжил. – Мои родители с откуда-то с Энейских островов, точнее не скажу, они никогда и не рассказывали, тем более, что родился я уже здесь. Отец был купцом, не самым богатым и

успешным, но на жизнь хватало. Когда мне было пять, мама умерла от холеры, сестре только год исполнился, отцу с нами приходилось нелегко, но он справлялся. По крайней мере до тех пор, пока не разорился.

– Что случилось? – Подтолкнул я Ринкона продолжить рассказ, о чём тут же пожалел.

– Пираты. – Это слово резануло меня подобно ножу. – Из-за этих тварей он пошёл по миру. Жалко, что этот Ворон вчера так легко отделался, я так хотел увидеть, как он болтается в петле.

– Так как вышло, что ты стал бродяжничать? – Я постарался вернуть Ринкона к прежней теме. При этом, чувствовал, что меня немного мутит.

– Ах да. – Парень, как будто очнулся от своих мыслей. – Когда отец разорился, он стал занимать деньги у каморры, но вернуть их уже не мог. Имущество давно было заложено, так что ему предложили другой способ как вернуть долг, а именно продать одного из детей в рабство, либо меня на галеры, либо сестру, чтобы её вырастили для... для... – Тут Ринкон запнулся, по пламени от светильника было понятно, что его руки дрожат.

– Я понял. Можешь не продолжать, если не хочешь. – Поспешил я его остановить.

– Да нет, всё в порядке. – Сказал он, хотя по нему было заметно, что всё совсем не так. – Никогда не забуду глаза в тот момент. Он долго сидел, смотря то на меня, то на сестру,

то на этих из каморры. Клянусь, в какой-то момент, он готов был наброситься на них, даже с голыми руками, но потом он просто сказал: «Забирайте девочку». Именно так и сказал, он не смотрел на сестру, даже имени её тогда не произнёс, она была уже просто «девочка». Меня, тогда будто громом поразило, в глазах потемнело, а когда я снова пришёл в себя, никого уже не было вокруг. Я так и простоял там, не заметив, как каморра уводит Иоланду, не заметив, как и ушёл мой отец. В ту же ночь, он умер, сердце не выдержало. Дом забрали, так я и оказался на улице.

– Ты на него злишься? – Спросил я.

– Нет, уже нет. Поначалу – да. Но, когда поживёшь на улице, становишься... немного другим. – Так и не смог подобрать правильного слова Ринкон. – Отец тогда пытался спасти хоть одного из нас, а если бы ещё и полез в драку, то сделал бы всё только хуже. Хоть мне и самому мерзко от того, что я стал так думать. – Он долго молчал. – И ещё, Адэр, пообещай, что никому не расскажешь. Обещаешь?

– Обещаю. – Меня удивило, что Ринкон готов был откровенничать со мной, хотя и знал всего ничего. Хотя, скорее всего, он всё это держал в себе на протяжении двух лет, а теперь решил выговориться.

– На один единственный миг, когда отец отдал им сестру, я почувствовал облегчение, я был рад, что меня пронесло. – Сказал он изменившимся голосом.

Я не знал, что ему ответить, любые слова не могли бы ни-

чего изменить к лучшему. Можно было сказать, что понимаю его, но это было ложью, всё же, я оставался десятилетним мальчиком, и мои представления о мире только складывались. Мне, воспитанному на рассказах матери о славных предках и героических романах, трудно было это принять, даже несмотря на то, что я и сам уже стал на тёмную дорожку соглашательства со своей совестью. Впрочем, в тот момент, я, конечно же, ни о чём подобном и не думал.

– И что было дальше? – Спросил я после продолжительного молчания.

– Я бродяжничал в порту, конечно, я понимал, что меня могут в любой момент схватить работорговцы, но и возможности прокормиться здесь было больше. Первое время, я воровал еду у лоточников, пока те меня не запомнили и не начинали звать стражу, как только видели, так что я стал перебиваться чем получить. Со временем, как-то, ко мне начали прибиваться и остальные, сам не знаю как так вышло. Через год с нами уже были Пино, Престо, Бассо, Гастон. Кстати, Престо и нашёл тот старый храм. Мы тогда стащили у рыбаков немного их улова и жарили рыбу на костре, который под мостом развели, а ему всё не сиделось на месте, он тогда зачем-то полез в кусты и исчез.

– Да, знаю каково это. – Усмехнулся я.

– Поначалу, мы боялись заходить далеко, однако, чем дальше мы здесь жили, тем больше свыкались. Даже с тем, что у нас в соседях древние мертвецы. – Закончил Ринкон.

Тут, я услышал тихое журчание воды, похоже мы пришли. И действительно, когда прошли чуть дальше, перед моими глазами предстала настоящая подземная река, хотя, приглядевшись, я понял, что была она искусственного происхождения. Тогда, я ещё ни разу в жизни не видел бассейнов, так что даже не знал с чем сравнить.

– Для чего это здесь? – Спросил я у Ринкона.

– Тише. – Произнёс он почему-то шёпотом. – Смотри. – Он указал на высокий поток и чуть поднял светильник.

Было темно, но всё же я смог различить небольшие отверстия.

– Над нами старые дома, – начал, всё так же тихо, пояснять мой спутник – через эти дырки спускают кувшины на верёвке и набирают воду, которая течёт сюда по акведуку.

– То есть у них колодцы прямо в доме? – Удивился я.

– Что-то вроде того.

Стараясь не шуметь, мы наполнили вёдра и направились обратно, идти было действительно не так уж близко, особенно, если учесть, что до этого Ринкону приходилось делать по три ходки. Тяжёлые вёдра затрудняли разговор, но, всё же, меня слишком волновал один вопрос.

– Ты узнавал, что стало с твоей сестрой? – Спросил я.

– Да. Её продали туранцам. – Отвечал он короткими, рублеными фразами, на ходу с ведром полным воды разговаривать было неудобно. – Там у них какие-то места есть. В них девочек обучают для гаремов. Это всё что я знаю.

Весь обратный путь мы проделали молча.

Глава 7 Ночная прогулка

Принеся воды, остаток дня мы просидели у тлеющего костра. Насколько я понял, разводили его только когда собиралась вся шайка, всё же дрова были роскошью для бездомных детей. Как топливо использовали всё, что только могло сгодиться: солома, навоз, ветошь. В остальное же время, когда кто-то находился в убежище, пользовались масляным светильником и глиняными лампами, самодельными, обожжёнными на солнце.

Хотя, обычно, большую часть дня, заброшенный храм пустовал, все уходили на свой привычный промысел, а малыши лет пяти-шести собирали плавник вдоль реки вместе с Розой. Эта девочка, единственная среди Портовых Крыс, до появления Элии, показалась мне самой странной из всех. По ней было сложно сказать сколько ей лет, за весь этот день она не произнесла ни одного слова, когда ей давали еду, она жевала её с отсутствующим видом, будто делая это по привычке, а не потому что ей надо было питаться. Большую часть времени она просто сидела в тёмном углу, обхватив руками колени и смотря в темноту невидящим взглядом.

Мы же, с Ринконом и Элией остаток дня провели у тлеющего костра. Не то, чтобы у нас было много общих тем для разговора, поэтому, в основном, просто молчали глядя на угли. Со временем и остальные начали возвращаться в убежище.

ще с добычей. Сегодня на ужин у нас был хлеб и немного вяленой рыбы. Мальчику по имени Бассо удалось даже откуда-то стащить кувшин разбавленного вина. Конечно, здесь на юге, принято давать детям воду с парой ложек вина, для здоровья. Однако, даже по местным меркам беспризорники слишком рано приобщались к вину.

Когда мне предложили немного отхлебнуть, Ринкон посмотрел на меня и слегка покачал головой, сам он пить не стал, Элия и Роза тоже отказались. Когда уже все начали разбредаться по своим углам, главарь шайки подозвал меня.

– Насчёт того дела. Лучше выйти сейчас, они приходят когда стемнеет, правда, точного времени я не знаю.

– Хорошо. – Согласился я. – Только ты мне расскажешь всё, наконец?

– Увидишь. – Только и произнёс Ринкон, меня это уже начинало немного раздражать.

Он снова прихватил свой светильник, мы направились в катакомбы и через некоторое время уже стояли в большом тоннеле, прислонившись к прохладной стене, ожидая неизвестно чего.

– Адэр, а кем был твой отец? – Спросил меня Ринкон.

– Рыбаком, поначалу, а затем стал матросом имперского флота. – С каждым днём у меня появлялось всё больше причин скрывать свою истинную личность.

– Правда? Матросом? – В голосе моего нового товарища чувствовалось возбуждение. – Он и с пиратами, значит, сра-

жался?

– Да, сражался. – Подтвердил я, не став уточнять при каких обстоятельствах.

– Значит, он вчера... – Тут Ринкону стало неловко за своё любопытство.

– Да.

– Прости меня, я не хотел. – Смутился он.

– Ничего, ты же не знал. – На самом деле, подозреваю, что сейчас я чувствовал себя более неловко, чем сын купца, ставшего сиротой, возможно, стараниями и моей семьи.

– Понимаешь, я ведь тоже хочу стать матросом. Я и в порт тогда направился, надеясь, что меня возьмут в юнги, только всё не решался. – Признался Ринкон.

Честно говоря, мне было сложно представить его смущающимся, видимо, эта два года значительно изменили его. Не знаю почему главарь шайки, сам отказывающийся признавать этот титул, был так добр и откровенен именно со мной. Всё же, знал он меня меньше дня, да и я был младше его на два года, что в таком возрасте является значительной разницей.

– Потом, как-то так получилось, что ко мне стали прибиваться остальные. – Продолжал он. – А теперь, разве я могу их бросить? Представь, Престо, первое время, всё порывался пить воду из Пулито.

– Серьёзно? Она же выглядит как разбавленные помои. – Удивился я.

– Да, было дело. Роза, первое время, так вообще ничего не ела, только сидела, уставившись в стену. Мы её имя узнали только через пару недель. – Он продолжал рассказывать, а я всё не переставал удивляться тому, насколько этот Ринкон, отличается от того Ринкона, каким он был для остальной шайки.

– Но ты всё ещё хочешь пойти во флот?

– Конечно. – В его голосе не было и тени сомнения. – Они ведь бьются с пиратами, а ещё, со временем, возможно, отыщу Иоланду.

Я не стал ему говорить, насколько ничтожно мал шанс повстречать его сестру. Да и о том, что флот далеко не всегда борется с пиратами, а, зачастую, даже, сражается с ними бок о бок, я тоже решил не упоминать.

– Ну и где те, о ком ты говорил? – Решил я перевести разговор на более безопасную тему.

Впрочем, с другой стороны, меня действительно уже начало беспокоить где те самые люди, на встречу с которыми меня позвал Ринкон. По моим ощущениям, прошло уже около часа, а никто ещё не появился.

– Да погоди немного, они должны прийти, ведь Герцогиня Мария сегодня прибыла в порт. – Попытался успокоить меня Ринкон.

– Герцогиня Мария – это корабль? – Уточнил я.

– Да.

Похоже, я начинал догадываться кого мы тут поджида-

ли. И скоро мои догадки подтвердились. Сначала я услышал звук шагов, эхом отдававшийся от стен тоннеля, а затем вдалеке различил и слабый свет. Трудно было бы точнее сказать в темноте, но в нашу сторону кто-то шёл, где-то с полдюжины человек, может больше.

Когда они, наконец, подошли довольно близко, я смог их разглядеть. Действительно, шестеро мужчин, типичной для южан внешности, чуть ниже среднего роста, черноволосые, стройные. Одеты как обычные нюциттийцы, в рубашки с лёгкими жилетами поверх, у всех на поясе оружие, притом, не какие-нибудь ножи для мяса, а настоящие мечи, кинжалы, а у пары человек и пистолеты.

– Привет, Гвидо! – Выкрикнул Ринкон, обратившись к мужчине, шедшему впереди.

– Ну привет, Мелкий. – Ответил тот ему, а потом он заметил меня. – А это ещё что такое?! Разве я тебе не говорил, никого не приводить, ты, мелкий *pīpīnna*?

– Гвидо, он нормальный парень, он ничего никому не скажет, к тому же крепкий. – Начал оправдываться мой товарищ, защищая меня.

– Крепкий, говоришь? – Задумался Гвидо. – Об этом надо было заранее предупредить, в этом деле, нам лишние сюрпризы не к чему.

– Да как же я тебе заранее предупрежу, если мы видимся раз в месяц или даже в два, и то, только здесь? – Заметил Ринкон.

– Тогда и приводить его не стоило, особенно сегодня. – Огрызнулся мужчина. – Но ладно, выгонять уже поздно. Эй ты, – обратился Гвидо ко мне – если хоть кому-то скажешь хоть слово... – он вынул кинжал и посмотрел на меня.

– Конечно, господин. – Изобразил я покорность.

– Тебя, Ринкон, это тоже касается. Если из-за вас у нас будут проблемы, то вам не поздоровится, всем вам. – Произнёс Гвидо, особо выделив слово «всем».

– Понял, Гвидо. – Понуро произнёс Ринкон.

– Ладно, идём, нас уже, наверное, заждались.

Мы все вместе двинулись по тоннелю. Идти пришлось довольно долго, перед тем как впереди начал проглядываться лунный свет. Наконец, покинув тёмный тоннель, мы оказались посреди освещённых лунным светом скал, под ногами был песок, а вблизи слышался тихий звук накатывающих на берег волн и чувствовался запах солёной воды. Судя по всему, сейчас мы находились недалеко от порта, к северу от города.

Перед нами на песке стояло четверо мужчин, трое из них выглядели как обычные матросы, босые, в широких штанах и рубашках. Однако один из них был одет побогаче остальных, явно являлся капитаном. Рядом с ними лежала гора тюков.

– Гвидо, где тебя носило? – Спросил капитан. Однако, в его голосе чувствовалось не раздражение, а, скорее, облегчение. – Не легко, знаешь ли, лавировать на лодке между скал

в темноте.

Теперь мне окончательно стало ясно как действовали контрабандисты, в том, что мои новые знакомые являются именно ими, сомнений не оставалось. Под покровом ночи, моряки сгружали контрабанду в лодки в порту, прямо на воде, затем доставляли сюда, где передавали уже тем, кто доставлял груз в город через подземелья.

– Да ладно тебе Педро, сам знаешь, как бывает. – Отмахнулся главный. – Лучше скажи, что с грузом. Проблем не было? Я смотрю, в этот раз ты расстарался.

– Ну так, сам знаешь к чему всё идёт. – Ответил капитан, немного погрузнев. – Ладно, не будем об этом. Я смотрю, ты опять нанял дополнительных носильщиков, – тут он покосился на нас – не легче завести осла или лошадь?

– Чтобы животное нас выдала в самый непоходящий момент? Никогда не знаешь, что они выкинуть там, в темноте. С людьми легче.

– Твоя правда. Ладно, не будем тянуть. Не терпится убраться отсюда. – Заметил Педро.

– Согласен. Парни, хватайте груз и пошли. – Приказал Гвидо.

Мне на плечи взвалили большой тюк, однако на вес он оказался гораздо легче, чем выглядел, но было всё равно тяжело. Некоторые мужчины, что были чуть крепче остальных, взяли сразу по два. Ноша самого Гвидо, была чуть меньше остальных, но, казалось, весит столько же, как и другие, ви-

димо, ему достался другой груз.

— Надо же, значит сегодня справитесь за одну ходку. Жду свою долю. — На прощание сказал капитан Педро.

— Лучше немного попридержать товар. — Заметил Гвидо.
— Сам знаешь, скоро цены на него взлетят.

Мы выдвинулись обратно. Теперь приходилось идти только при свете одного фонаря, у всех были заняты руки. Нести груз было тяжело, притом не только мне и Ринкону, но и взрослым мужчинам, особенно тем, кто взвалил на себя по два тюка. Продвигались мы медленно, несколько раз делая привалы в пути. Не то, чтобы мы болтали всю дорогу, но иногда, Гвидо приказывал всем вести себя особо тихо. В конце концов, мы покинули большой тоннель и свернули в очередные катакомбы, теперь идти приходилось вслед друг за другом, иногда даже с одним тюком было сложно протиснуться.

Наконец, Гвидо привёл нас к проходу, стены которого выглядели немного иначе, чем остальные катакомбы, оказался он довольно коротким и заканчивался комнатой с вертикальной лестницей, ведущей к люку в потолке. Здесь все и побросали свою ношу и, с облегчением, сами развалились поверх тюков, я последовал их примеру, было ясно, что мы пришли на место. Казалось, что у меня не осталось сил даже на обратную дорогу налегке. Отдохнув, пятеро контрабандистов стали поднимать груз по лестнице, а Гвидо подошёл к нам с Ринконом.

— Не ожидал, что вы действительно окажитесь настолько

крепкими. – Сказал он, кладя в протянутую ладонь моего друга пару серебряных монет, тот выглядел обрадованным. – Молодцы, хорошо постарались.

Я тоже протянул руку.

– В чём дело? – Спросил глава контрабандистов. – Я уже заплатил вам за работу, достойно.

– Нет. – Упрямо ответил я. – Плати. Золотом.

Ринкон испуганно посмотрел на меня, а сам Гвидо рас- смеялся.

– Золотом? Ты, малец шутишь? – Произнёс он сквозь смех.

– Нет, пошутил ты, когда кинул нам пару серебряных. – Я вёл себя глупо, но был слишком зол. Позже я сам удивлялся своей смелости в тот момент. – В тех тюках, что мы тащили, судя по всему был шёлк, а от твоего я уловил запах специй. Скоро начнётся война с Тураном в открытую, и цены на товары с востока взлетят до небес, возможно, это был вообще последний корабль. Так что через несколько лет ты будешь купаться в золоте.

Теперь контрабандист не смеялся, а серьёзно смотрел мне прямо в глаза.

– Сколько тебе лет, мальчик? – Спросил он.

– Десять. – Честно ответил я.

– Слишком ты умён для своего возраста.

– Или это остальные просто слишком глупы. – Ответил я, глядя ему прямо в глаза.

Казалось, что все в комнате замерли, я и сам не дышал, наблюдая как рука Гвидо потянулась к поясу. На несколько мучительных мгновений он замер, я готов поспорить на что угодно, что в тот момент он решал за что именно схватиться, за кинжал или кошелёк, но в, конце концов, он протянул мне пару золотых, а затем снова рассмеялся.

– Ладно, держи. – Сказал Гвидо сквозь смех. – Заслужил.

– И фонарь. – Добавил я.

– Дайте ему фонарь. – Обратился главарь контрабандистов к своим.

Выдохнув, я посмотрел на Ринкона, даже в тусклом свете было заметно насколько он побледнел.

– Эй, Ринкон, советую тебе избавиться от этого мальчика поскорее, от таких умных и дерзких вечно одни проблемы. – Послышался позади голос Гвидо, когда мы снова направились в катакомбы. – Впрочем, твоё дело. Удачи, Малец!

Когда мы вдвоём вернулись в большой тоннель, я прислонился к стене и, наконец, вдохнул полной грудью, мои колени дрожали.

– Damno, Адэр, ну ты и выдал. – Заговорил Ринкон. – Ещё немного и мне пришлось менять портки.

– Ещё бы немного, и нам с тобой, возможно, портки бы никогда больше и не понадобились. – Заметил я.

Мой товарищ сначала немного хихикнул, потом рассмеялся, а вскоре мы уже оба хохотали во всё горло, не потому что это была настолько смешная шутка, нам просто нужна

была разрядка. Уверен, если бы в ту ночь, в эту часть подземелий Ньюциттии, каким-то образом забрёл какой-нибудь несчастный, то вскоре бы к многочисленным байкам про это место, прибавилась и ещё одна, про безумное, хохочущее привидение.

– Как ты до всего этого догадался? – Просмеявшись, спросил меня Ринкон.

– Я же говорил, что мой отец был матросом, доводилось слышать, всякое. – Ответил я неопределённо.

Моему новому другу, если я мог его так называть, всё же, некоторых вещей лучше было не знать. Например, того, что я сразу же узнал капитана Педро Перреса, известного в определённых кругах, пару раз он даже встречался с отцом на Корну. Правда, тогда я не обратил внимания на его корабль, поэтому название Герцогиня Мария мне ничего не сказала.

– Прости, что напомнил. – Извинился Ринкон, увидев, как я задумался.

– Да нет, ничего. – Отмахнулся я, сам удивившись тому, что действительно не расстроился. Однако, это напомнило мне кое о чём другом. – Послушай, Ринкон, ты же, вроде, терпеть не можешь пиратов?

– Не могу терпеть? Я их ненавижу. – Загорелся он. – Но к чему это ты?

– Ну, просто, – я на мгновение замялся, не зная стоит ли ему говорить – ты же знаешь, что контрабандисты бывают зачастую повязаны с пиратами?

– Конечно знаю. – Сказал он поникнув. – Думаешь, мне самому приятно? Но, так складывается... понимаешь... – Он сам не знал, как выразить то, что хочет сказать. – Так уж получается. Иногда, просто приходится. Наших, да и меня самого, иногда и каморра берёт для всяких мелких поручений. Думаешь я отказывался?

– Нет?

– Ни разу. – Ответил Ринкон угрюмо. – Нам нужны деньги. И лучше уж так, чем кто-нибудь попадётся, пытаюсь стащить лепёшку чёрствого хлеба.

– Понятно. – Только и произнёс я.

Помолчав немного, мы, наконец, пошли обратно, теперь уже освещая себе путь удобным шестигранным фонарём, с пламенем, защищённым стёклами. Ещё совсем недавно, я и не предал бы значения этой вещице, теперь же она казалась мне каким-то невиданным сокровищем, из тех, что бывают только в сказках.

– Ринкон, ты говорил, что тебе иногда каморра даёт поручения. Что за поручения? – Спросил я на ходу.

– Да так, всякая мелочёвка: доставить записку, посылку, на словах сообщить, проследить за кем-то. – Ответил он.

– Проследить? – Удивился я.

– Конечно, уж в этом наши лучше всех, не сомневайся. – Тут он немного понизил голос. – Правда, иногда, вообще непонятно кто работу даёт, да и просят всякую чушь.

– То есть?

– Ну людей из каморры видно сразу, тех ни с кем не спутаешь, тех кто под Манчини ходит, тоже не сложно распознать, ну, хотя бы по тому, для чего они нанимают, там об облаве предупредить, девкам гулящим сообщить чего, а иногда и приглядеть за кем-то, за такое особо хорошо платят. – Я всё ещё не понимал, что тут необычного. – Но вот совсем недавно, стоял я на площади, в месте, где посыльные и носильщики собираются. Подходит ко мне девчонка, молодая совсем, и просит записку доставить.

– Ну, девчонка – это действительно что-то необычное. – Поддел я его.

– Да не в том дело, хоть, я и не привык к тому, чтобы такие молодые меня нанимали.

– Молодые? А сколько ей на вид было? – Снова перебил я его.

– Да, может, моего возраста или чуть постарше, по ним вообще сложно сказать. – Замялся Ринкон. – Но невысокая, ниже меня, это точно.

– Невысокая девица, возраста, когда ей начинают подыскивать женихов, попросила тебя отнести записку. – Снова не удержался я. – Вот уже действительно чудеса.

– Так мне рассказывать или нет? – Обиделся собеседник.

– Ладно-ладно, давай. – Примирительно сказал я.

– В общем, говорит: «Доставишь эту записку господину Бонелло, а потом, неважно с ответом или нет, найдёшь меня в таверне «Гусыня и волк».

– В этом городе все таврены названы в честь гусынь? – В очередной раз отпустил я шутовское замечание, но потом задумался над тем, что только что сказал Ринкон. – Подожди, но зачем ей понадобилось тебя видеть, если не будет ответа? – Теперь действительно в его рассказе появилось нечто странное, с другой стороны, этому могла быть тысяча объяснений.

– Это ещё не всё, когда я к ней вернулся, она начала расспрашивать меня обо всякой чуши. – Увидев, что я наконец заинтригован, продолжил рассказ Ринкон.

– Какой чуши?

– Да о всяком, кто мне открыл дверь, во что был одет слуга, чистый ли на нём был дублет и штаны, провели меня к хозяину, не видел ли я рядом с домом водовозов. Представляешь? Водовозов. Какое мне вообще дело до водовозов? – Теперь я действительно начал понимать, почему Ринкон счёл этот заказ странным. – Но ты погоди, дальше она меня спросила не заметил ли я шерсти на чулках или рукавах господина Бонелло или его слуг. А? Каково?

– И что же ты ответил?

– Я сказал, что не имею привычки рассматривать мужские чулки. – Ответил Ринкон.

– Значит, только женские? – Снова попытался я его поддеть, но он отреагировал неожиданно.

– Откуда ты узнал? – Услышал я его удивлённый возглас.

– Что узнал? – В свою очередь не понял я.

– Откуда ты узнал, что она так и ответила?

– Серьёзно?

– Да, слово в слово. – Подтвердил Ринкон.

– А ты что?

– Да что я, мог ей на это сказать? – Мне показалось, что он немного смутился. – Сказал, в доме Бонелло женщин не наблюдал, да и вообще, чтобы госпожа перестала надо мной шутить, где это видано, чтобы женщины в чулках ходили.

Я вспомнил рассказ отца, о его первой встрече с мамой, но решил промолчать, слишком многое пришлось бы рассказать из того, чего не следовало знать Ринкону.

– И что, она обиделась на твою грубость? – Вместо этого спросил я его.

– Какой там, она только рассмеялась своим тонким голоском и сказала: «Ну так смотри» и выставила из-под плаща свою ножку, в башмачке и тоненьком чулке, я так и застыл. – Даже в темноте было заметно, как Ринкон покраснел. – А она только сунула мне в руку несколько монет и ушла.

– Так что же, ты сразу не заметил, что она в чулках, когда она к тебе только подошла?

– Говорю же, плащ на ней был, длинный такой, до пят и на лицо надвинут, думал белизну кожи бережёт, не хочет, чтобы солнце попало на неё. Я только потом догадался посмотреть, что же она мне в руки сунула, а там было целых семь серебряных торо.

– Щедро. – Отпустил я очередное замечание.

– Я сначала подумал, что ошиблась. Может, вернуть ей надо, возможно и ножку бы её смог получше разглядеть.

– Да что ты пристал к этой ножке? Ты ног никогда в жизни не видел? – На мой, взгляд, в этой истории были куда более запоминающиеся моменты, чем ножка в чулке.

– Так то другое. – Протянул Ринкон, а затем посмотрел прямо на меня. – Ты не поймёшь.

Я действительно его не понимал. Да, несмотря на разницу в возрасте, происхождении и многом-многом другом, воспринимал он меня как равного, но даже в том случае, если мальчикам десяти и двенадцати лет, удаётся общаться как сверстникам, в одном им никогда будет друг друга не понять, и в этом они настолько далеки, будто между ними пролегла бездонная пропасть, шириной со всё Внутреннее Море. Впрочем, мне и самому ещё предстояло узнать, чем же так взбудоражил Ринкона этот простой предмет мужского платья, на девичьей ножке.

Хотя в тот момент, что мы шли по тоннелю, меня занимали совсем другие вопросы, я всё пытался найти объяснения произошедшему с моим товарищем, но ничего не шло мне в голову.

– Ринкон, а ты читать умеешь? – Спросил я его.

– Читать? Ну да, отец обучил. – Ответил он.

– Так что было в записке?

– Адэр, у нас, посыльных, есть свои правила.

– Ринкон, я спрашивал тебя не об этом, а о том, что было

в записке. – Настоял я.

– Да, опять же, сущая чушь.

– А если точнее?

– «Высылай бочку апельсинов – Гаргантюа» – Произнёс он. – Клянусь, слово в слово так и было.

Конечно, всем была известна прожорливость сказочного великана, вот только при чём он тут? Похоже, во всём этом действительно не было смысла.

– И ещё одно. – Продолжил Ринкон. – Где-то через пару недель дом Бонелло обворовали, вынесли всё ценное, подчистую. Говорят, ночью, всех в доме раздели чуть не догола, но никто ничего не видел и не помнит, только засыпали, всё как обычно было, а проснулись, будто Бич Митры проходил. По слухам, даже двери, на которых была позолота, сняли и вынесли, хотя, может и привирают.

То, что он рассказал, казалось какой-то байкой, в которой выдумки больше чем правды, что с другой стороны, натолкнуло меня на некоторые рассуждения.

– Ринкон, ты говорил, что тебе дают поручения каморра, Манчини, загадочные незнакомки с ножками, а что насчёт, Эль Хурана? – Спросил я.

– Короля воров? – Теперь уже пришла очередь посмеяться моего собеседнику. – Тебе эту чушь Престо наплёл? Нет никакого Эль Хурана, который выпрыгивает из-под земли и утаскивает за собой провинившихся воров. Кто вообще станет величать человека с прозвищем Хорёк королём?

– Но та девочка на кого-то работала ведь, не могла же она всё в одиночку проверить.

– Не знаю, может это просто совпадение, и она не имеет к этому отношения. Да и потом, знаешь сколько в городе банд, из тех, что помельче? Её мог кто угодно нанять.

– Тебе виднее. – Не стал я спорить дальше, тем более, Ринкон во всём этом был куда дольше меня.

Когда мы наконец вернулись в убежище, то я заметил, что Элия ещё не спала. Что, впрочем, было не удивительно.

– Адэр, наконец-то. – Увидев меня с масляным фонарём она почти было бросилась мне на шею. – Пойдём, я приготовила нам место.

– Нам? – Удивился я, в этот момент, я заметил, что Ринкон посмотрел на меня с ухмылкой, суть которой мне тогда была ещё непонятна.

– Конечно, я же не усну без тебя, точно не здесь. – Говорила она шёпотом, потому что большинство из портовых крыс уже давно дрыхли.

– Ладно. – Согласился я.

Перед тем как лечь спать, я отдал фонарь Ринкону который направлялся на своё место возле алтарной ниши. Элия действительно подобрала нам неплохой угол, подбила сена и застелила парусиной, которая служила и одеялом. Мы улеглись, и она прижалась ко мне, через мгновение уже спокойно засопев. Перед тем, как Ринкон затушил свет, я заметил в полутьме пару блеснувших сталью огоньков, это на нас смот-

рела Роза.

Впрочем, сегодня я слишком устал, чтобы задумываться ещё и над этим. Положив голову, я сразу же провалился в сон.

Глава 8 Портовые Крысы

– Адэр, вставай. – Разбудил меня голос Элии.

Как выяснилось, проснулся я последним, все остальные уже сидели вокруг горящего фонаря и с интересом его разглядывали. Перекусив остатками вчерашнего хлеба, обитатели заброшенного храма начали разбредаться по своим обычным делам, а мы с Ринконом и Элией отправились на рынок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.